

Девушка в поезде

Автор:

[Пола Хокинс](#)

Девушка в поезде

Пола Хокинс

Джесс и Джейсон. Такие имена дала Рейчел «безупречным» супругам, за жизнью которых она день за днем наблюдает из окна электрички. У них, похоже, есть все, чего совсем недавно лишилась сама Рейчел, – любовь, счастье, благополучие...

Но однажды, проезжая мимо, она видит, как в дворике коттеджа, где живут Джесс и Джейсон, происходит нечто странное, загадочное, шокирующее. Всего минута – и поезд опять трогается, но этого достаточно, чтобы идеальная картинка исчезла навсегда.

А потом – Джесс пропадает. И Рейчел понимает, что только она, возможно, способна разгадать тайну ее исчезновения. Что делать? Примет ли полиция ее показания всерьез? И надо ли вообще ей вмешиваться в чужую жизнь?

Пола Хокинс

Девушка в поезде

© Paula Hawkins, 2015

© Перевод. В. В. Антонов, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Посвящается Кейт

Она похоронена под серебристой березкой рядом со старыми железнодорожными путями. Могила отмечена лишь небольшой пирамидкой из камней. Я не хотела, чтобы место ее упокоения привлекало внимание, но и никак не обозначить его тоже не могла. Она будет там мирно спать, ее сон никто не потревожит, разве что пение птиц да стук колес проходящих поездов.

Совсем как в старой считалочке: первый – печальный, второй – смешной, третий – девчачий... Дальше я считать не могу. В голове все гудит, а рот полон крови. Третий – девчачий. Я слышу, как насмешливо и хрипло кричат сороки. Они издеваются надо мной. Их целая стая. И они предвещают беду. Я вижу, как они застилают свет черным пятном. Нет, это не они, а человек. Он подходит ближе и обращается ко мне:

– Видишь, что ты наделала? Ты сама не оставила мне выбора!

Рейчел

Пятница, 5 июля 2013 года

Утро

Возле путей валяется куча старого тряпья. Среди чего-то грязно-белого виднеется светло-голубое пятно – наверное, рубашка. Судя по всему, мусор в перелеске возле реки скапливался постепенно. Его вполне могли оставлять железнодорожники, которые обслуживают этот участок путей и бывают здесь довольно часто. А может, и кто-то еще. Мама всегда говорила, что у меня слишком богатое воображение. Том тоже так говорил. Я не могу с собой ничего

поделать: увидев на земле чье-то тряпье – грязную футболку или один ботинок, – я начинаю думать о втором и представлять человека, который когда-то носил эту обувь и эту футболку. Электричка, дергаясь и скрежеща, трогается с места, куча тряпья остается позади, и мы тащимся в сторону Лондона чуть быстрее бегуна трусцой. Кто-то сзади обреченно вздыхает: медленный поезд, отправляющийся из Эшбери в Юстон в 8.04, способен вывести из себя даже самых закаленных пассажиров. Поездка должна занимать пятьдесят четыре минуты, но такое случается редко: пути на этом участке совсем старые, семафор постоянно барахлит, и ведутся бесконечные ремонтные работы.

Электричка ползет мимо пакгаузов и водонапорных башен, мостов и сараев, мимо скромных викторианских домов, выстроившихся в ряд задним фасадом к путям.

Прислонившись головой к окну вагона, я смотрю на проплывающие мимо дома, будто мелькают кадры, снятые с движущейся операторской тележки. Я вижу эти дома не так, как другие; даже их владельцы, вероятно, не знают, как все выглядит отсюда. Два раза в день у меня есть возможность заглянуть в чужие жизни, пусть лишь на мгновение. Вид незнакомых людей, находящихся в безопасности собственных домов, действует на меня успокаивающе.

Звонит чей-то телефон – для сигнала вызова владелец выбрал веселую и задорную песенку, что кажется мне неуместным. На звонок отвечают не сразу, и громкое дребезжанье мелодии разносится по вагону. Я слышу, как пассажиры устраиваются на своих местах, шуршат газетами, постукивают клавишами ноутбуков. На повороте поезд кренится и, раскачиваясь, замедляет ход на красный сигнал семафора. Я стараюсь не смотреть и пытаюсь читать бесплатную газету, полученную на станции, но строчки расплываются, и ничего интересного в газете я для себя не нахожу. Перед глазами по-прежнему стоит груда тряпья возле путей.

Вечер

Когда я подношу ко рту банку с джином-тоником, чтобы сделать глоток, смешанный заранее напиток издает шипение. Резкий и холодный вкус вызывает в памяти воспоминания о нашем с Томом первом отпуске, который мы провели в рыбацкой деревушке на баскском побережье в 2005 году. Утром мы

отправлялись на маленький островок в бухте в полумиле от берега и занимались любовью на скрытых от глаз пляжах, а после обеда сидели в баре и пили крепкий и горький джин-тоник, наблюдая, как стайки пляжных футболистов бестолково гоняют мяч по обнаженному отливом песку.

Я делаю еще глоток, затем другой; банка, наверное, уже наполовину пуста, но это не важно, у меня есть еще три в полиэтиленовом пакете. Сегодня пятница, мне не нужно чувствовать себя виноватой, что я пью в поезде. Слава Богу, что сегодня пятница. Можно прямо сейчас начинать веселиться.

Нам обещают чудесный уик-энд. Много солнца и безоблачное небо. В прежние времена мы, наверное, отправились бы в Корли-Вуд, прихватив с собой все для пикника и газеты, и провели бы там весь день, лежа на одеяле, покрытом солнечными зайчиками, и потягивая вино.

А могли бы вместе с друзьями жарить мясо на гриле на заднем дворе или направиться в паб «Роуз» и пить пиво в его садике на открытом воздухе. За день, проведенный там, наши лица становились красными от солнца и алкоголя, и домой мы возвращались в обнимку, а потом засыпали прямо на диване.

Много солнца, безоблачное небо, и не с кем играть, и нечего делать. Моя жизнь, та жизнь, которой я живу сейчас, особенно тяжела летом, когда световой день такой длинный, а спасительный покров ночи такой короткий, когда все кругом стараются выйти на свежий воздух и вызывающе счастливы. Это очень утомляет и сильно действует на нервы, если ты неходишь в число этих счастливых людей.

Впереди выходные – сорок восемь пустых часов, которые надо чем-то заполнить. Я снова подношу к губам банку, но в ней не осталось ни капли.

Понедельник, 8 июля 2013 года

Утро

Как же приятно снова оказаться в электричке, отправляющейся в 8.04. Дело не в том, что я жду не дождусь начала новой недели – вообще-то мне не особенно хочется оказаться в Лондоне. Я просто хочу откинуться назад в мягком, продавленном велюровом кресле, почувствовать тепло солнца, заливающего окна, мерное раскачивание вагона и успокаивающий стук колес. Мне нравится быть здесь и разглядывать проплывающие мимо дома больше, чем делать что-то другое.

На этой ветке примерно посередине пути есть неисправный семафор. Мне кажется, что он неисправен, ведь на нем почти всегда горит красный, и мы останавливаемся на несколько секунд, а то и минут. Сидячий вагон экономкласса – а обычно я езжу именно в нем – останавливается на семафоре в том месте, откуда открывается отличный вид на мой любимый дом – номер пятнадцать.

Номер пятнадцать практически ничем не отличается от других домов, стоящих вдоль железнодорожного полотна: двухэтажное викторианское строение, к которому примыкает узкий ухоженный садик длиной двадцать футов. Между железнодорожными путями и садом, отделенным забором, проходит полоса ничейной земли шириной в несколько метров. Я знаю этот дом как свои пять пальцев. Я знаю каждый его кирпичик, цвет штор в спальне наверху (они бежевые с темно-синим рисунком), знаю, что краска на оконной раме ванной комнаты облупилась и что на крыше с правой стороны не хватает четырех черепиц.

Я знаю, что в теплые летние вечера обитатели этого дома, Джейсон и Джесс, иногда устраиваются на самодельной террасе на крыше кухонной пристройки, на которую попадают через большое раздвижное окно. Они – идеальная, образцовая пара. У него темные волосы, он хорошо сложен, силен, добр и заботлив. У него заразительный смех. Она – миниатюрная красавица с бледной кожей и светлыми коротко стриженными волосами. Черты ее лица подчеркивают общую привлекательность: высокие скулы с вкраплением веснушек, нежный овал подбородка.

Пока мы ждем, когда красный сигнал переключится, я ищу их взглядом. По утрам, особенно в летнее время, Джесс часто пьет кофе на открытой террасе. Порой, когда я вижу ее там, мне кажется, будто и она меня видит, будто она смотрит прямо на меня, и мне хочется помахать ей рукой. Но я слишком застенчива для этого. Джейсона я вижу гораздо реже – он часто уезжает

по работе. Но даже если мне их не видно, я думаю о том, чем они сейчас занимаются. Может, у обоих сегодня выходной, и она лежит в постели, пока он готовит завтрак, а может, оба отправились на совместную пробежку, потому что они из тех, у кого это в порядке вещей. (Мы с Томом бегали вместе по воскресеньям: я чуть быстрее своего обычного темпа, а он – раза в два медленнее, чтобы мы могли бежать рядом.) А может, Джесс наверху, в комнате для гостей, где занимается живописью, или они оба в душе: Джесс упирается ладонями в кафель на стене, а он держит ее за бедра.

Вечер

Я немного поворачиваюсь к окну, чтобы оказаться спиной к попутчикам, и открываю одну из маленьких бутылочек с белым полусухим «Шенен блан», которые купила в магазине на вокзале. Вино не холодное, но это не страшно. Я наливаю немного в пластиковый стаканчик, завинчиваю крышку и прячу бутылку в сумочку. Пить в поезде в понедельник не очень-то здорово, тем более если делать это в одиночку, а компании у меня нет.

В электричке немало знакомых лиц – я каждую неделю вижу, как эти люди едут в Лондон и обратно. Я узнаю их, а они, наверное, узнают меня. Я не знаю, видят ли они во мне ту, кем я на самом деле являюсь.

Вечер выдался просто потрясающий – теплый, но не жаркий; солнце начинает свой ленивый спуск, тени вытягиваются, и свет постепенно окрашивает деревья золотом. Электричка с грохотом мчится вперед, и мы быстро проскакиваем мимо дома Джейсона и Джесс, промелькнувшего в дымке вечернего солнца. Иногда, не так часто, я вижу их и на обратном пути. Если, конечно, нет встречного поезда и мы едем не так быстро, мне изредка удастся увидеть их на террасе. Если нет – как сегодня, – я могу их представить. Джесс с бокалом вина в руке сидит на террасе, водрузив ноги на столик, а Джейсон стоит сзади, положив руки ей на плечи. Я представляю, как это – чувствовать на плечах тяжесть мужских рук, как она успокаивает и дает ощущение защищенности. Иногда я пытаюсь вспомнить, когда в последний раз меня искренне обнимали или с участием жали мне руку, и сердце мое сжимается.

Вторник, 9 июля 2013 года

Утро

Груда тряпья, которую я заметила на прошлой неделе, лежала на том же месте, но стала еще грязнее. Я где-то читала, что при наезде поезд может сорвать с человека одежду. А люди под колесами поезда погибают не так уж и редко. Говорят, таких смертей бывает две-три сотни в год, то есть каждые пару дней кто-то попадает под поезд. Не знаю, сколько из таких смертей являются случайными. Пока электричка медленно ползет мимо, я внимательно вглядываюсь, нет ли на тряпье следов крови, но ничего такого не вижу.

Поезд привычно останавливается перед семафором. Я вижу Джесс – на ней яркое ситцевое платье, она стоит босиком во внутреннем дворике перед стеклянной дверью, ведущей в дом. Она смотрит через плечо: видимо, говорит с Джейсоном, который собирается готовить завтрак. Когда электричка медленно трогается с места, я продолжаю смотреть на Джесс и ее дом. Я не хочу видеть другие дома и особенно тот, что расположен через три дома отсюда, – когда-то он был моим.

Я прожила в доме номер двадцать три по Бленхайм-роуд пять невероятно счастливых и невероятно ужасных лет. Теперь я не могу его видеть. Это был мой первый дом. Не дом моих родителей, не комната в квартире, снятой вскладчину с другими студентками, это был мой первый дом. И вот я не могу его видеть. Ну, вообще-то могу, и смотрю, и хочу смотреть, но в то же время не хочу и стараюсь этого не делать. Каждый день говорю себе не смотреть и каждый день смотрю. Я ничего не могу с собой поделать, хотя ничего не хочу там увидеть, а если что и увижу, то это только принесет боль. Я отлично помню, что почувствовала, когда однажды увидела, что кремовые льняные шторы в спальне исчезли и на их месте появились розовые детские; я до сих пор помню боль при виде Анны, поливавшей кусты роз у забора. Ее футболка туго обтягивала выпуклый живот, а я до крови закусил губу.

Крепко зажмуриваюсь и считаю до десяти, пятнадцати, двадцати. Вот так, мы уже проехали, и дом больше не виден. Мы останавливаемся на станции Уитни, а потом едем дальше, и из набирающего скорость поезда я слежу, как пригород постепенно переходит в грязные северные окраины Лондона, а таунхаусы сменяются металлическими мостами и заброшенными зданиями с разбитыми окнами. Чем ближе мы подъезжаем к Юстону, тем тревожнее становится на душе: как-то сложится сегодняшний день? За пятьсот метров

до вокзала на правой от путей стороне стоит грязное низкое бетонное здание, на стене которого кто-то начертил стрелу, направленную в сторону станции, и слова: «Конец пути». Я думаю о гряде тряпья неподалеку от рельсов и чувствую, как перехватывает горло.

Вечер

Вечером я уезжаю на электричке в 17.56. Она идет немного медленнее, чем утренняя, – один час и одну минуту, то есть на целых семь минут дольше, чем утром, хотя и не останавливается ни на каких дополнительных станциях. Меня это не смущает, потому что точно так же, как я не тороплюсь попасть в Лондон утром, я не спешу оказаться в Эшбери вечером. Не только потому, что это именно Эшбери, хотя само это место не такое уж привлекательное – типичный новый городок, возникший в 1960-е годы и разросшийся как опухоль в самом сердце Бакингемшира. Он ничем не лучше и не хуже десятка других подобных городков. В центре полно кафе, салонов сотовой связи, отделение сети модной спортивной одежды «Джей-Ди спортс», его окружают пригороды с раскинувшимися в них многозальным кинотеатром и гипермаркетом «Теско». Я живу в приличном (можно сказать) новом (можно сказать) квартале, расположенном там, где артерии от коммерческого сердца города начинают расползаться в жилые окраины, но это не мой дом. Мой дом находится в викторианском строении рядом с железнодорожными путями, и я была одной из двух его владельцев. В Эшбери я не домовладелец и даже не арендатор: я – жиличка, занимающая одну из двух небольших спален в скромной двухэтажной квартирке Кэти благодаря ее доброте и сердечности.

Мы с Кэти подружились в университете. На самом деле мы, скорее даже не дружили, а просто общались, поскольку никогда не были особо близки. На первом курсе она жила в комнате напротив, мы изучали одни и те же предметы, что невольно нас сблизило в первые несколько недель растерянности, пока мы не встретили людей, с которыми имели больше общего. После первого года обучения мы редко виделись, а потом встречались разве что на свадьбах общих знакомых. Но когда мне потребовалась помощь, выяснилось, что у нее есть свободная комната, и ее предложение пожить у нее оказалось весьма кстати. Я не сомневалась, что поживу у нее всего пару месяцев, максимум полгода, тем более что никакой альтернативы у меня не было. Я никогда не жила одна – после родителей мы снимали квартиру с другими девчонками, а потом я переехала к Тому. Я сразу ухватилась за ее предложение.

Это было почти два года назад.

Вообще-то все не так уж плохо. Кэти – очень правильная, и это сразу видно. Она не только этого не скрывает, но даже заставляет замечать. Ее правильность бросается в глаза, это ее главная черта, и ей требуется признание, причем признание постоянное, чуть ли не ежедневное, что может быть весьма утомительным. Но это не так страшно – у соседей по квартире могут быть недостатки куда серьезнее. Нет, в моей новой ситуации (я все еще продолжаю думать о ней как о новой, хотя прошло уже два года) меня больше всего беспокоит не Кэти и даже не Эшбери. Меня удручает потеря контроля. В квартире Кэти я всегда чувствую себя гостьей, которая злоупотребляет гостеприимством. Я чувствую это на кухне, где мы теснимся, готовя ужин каждая себе. Чувствую это, когда сижу рядом с ней на диване, а пульт дистанционного управления непременно в руках у нее. Единственное место, где я чувствую себя комфортно, – это моя крошечная спальня, в которую едва вместились двуспальная кровать и письменный стол, практически не оставив места для прохода. Тут все достаточно удобно, но это не то место, где хочется постоянно находиться, поэтому я провожу больше времени в гостиной или на кухне, где ощущаю неловкость и бессилие. Я потеряла контроль над всем, даже над тем, что творится у меня в голове.

Среда, 10 июля 2013 года

Утро

Жара усиливается. Всего половина девятого, день только начинается, а воздух уже тяжелый и влажный. Хорошо бы прошла гроза, но на вызывающе чистом бледно-голубом небе ни облачка. Я вытираю пот над верхней губой. Жаль, что забыла купить бутылку воды.

Этим утром я не вижу Джейсона и Джесс, отчего по-настоящему расстраиваюсь. Глупо, конечно. Я тщательно разглядываю дом, но никого не видно. Внизу шторы раздвинуты, но стеклянные двери закрыты, и стекла отражают солнечный свет. Створки окна наверху тоже закрыты. Джейсон, возможно, наверху и работает. Думаю, что он врач; наверное, состоит в штате одной из международных организаций. Он всегда готов выехать по звонку – на гардеробе постоянно лежит собранная сумка. Случись землетрясение в Иране или цунами в Азии, и он

бросит все, схватит сумку и через несколько часов окажется в Хитроу, чтобы вылететь для спасения жизней.

Джесс, с ее яркими нарядами и кроссовками, с ее красотой и манерами, работает в индустрии моды. Или, возможно, в музыкальном бизнесе, или в рекламе – она вполне может быть стилистом или фотографом. К тому же она хороший художник, у нее сильно развито художественное чутье. Я вижу ее сейчас, в свободной комнате наверху: музыка ревет, окно открыто, в руке кисть, у стены огромный холст. Она пробудет там до полуночи – Джейсон знает, что ее не следует беспокоить, когда она работает.

Конечно, в действительности я ее не вижу. Я не знаю, занимается ли она живописью, заразительно ли смеется Джейсон и красивые ли у Джесс скулы. Я не могу разглядеть отсюда черты ее лица и никогда не слышала голос Джейсона. Я никогда не видела их близко – их не было в этом доме, когда я жила по соседству. Они поселились здесь уже после моего отъезда два года назад – не знаю, когда именно. Мне кажется, я обратила на них внимание около года назад, и за прошедшие месяцы они постепенно заняли важное место в моей жизни.

Я даже не знаю, как их зовут, и мне пришлось самой придумать им имена. Джейсон – потому что он красив в стиле британских кинозвезд, не как Джонни Депп или Брэд Питт, а как Колин Ферт или Джейсон Айзекс. А Джесс просто хорошо сочетается с именем Джейсон и к тому же ей подходит. Отражает присущую ей красоту и беззаботность. Они отличная пара и созданы друг для друга. Видно, что они счастливы. Они такие, какими мы с Томом были пять лет назад. Они то, что я потеряла, они являются всем, чем мне хочется быть.

Вечер

Моя блузка – такая тесная, что едва застегиваются пуговицы – вся в липких пятнах пота, особенно больших под мышками. Глаза режет, в горле пересохло. В этот вечер мне не хочется растягивать путешествие. Мне хочется поскорее оказаться дома, чтобы раздеться и принять душ, чтобы быть там, где меня никто не видит.

Я смотрю на мужчину, сидящего напротив. Он примерно моего возраста, слегка за тридцать, с темными волосами, сидящими на висках, с землистой кожей. Он одет в костюм, но снял пиджак и повесил на сиденье рядом с собой. Перед ним открыт очень тонкий ноутбук. Печатает он медленно. На правом запястье серебряные часы с большим циферблатом – смотрятся дорого, возможно, швейцарские фирмы «Брайтлинг». Он покусывает изнутри щеку. Наверное, нервничает. Или просто глубоко задумался. Пишет важное электронное письмо коллеге в Нью-Йорк или тщательно подбирает слова, сообщая подруге о разрыве. Он неожиданно поднимает глаза и встречается со мной взглядом, который затем скользит по мне и останавливается на маленькой бутылочке вина на столике передо мной. Он отворачивается. В том, как скривились его губы, чувствуется неприязнь. Он находит меня неприятной.

Я не такая, какой была раньше. Я перестала быть привлекательной и даже в некотором роде отпугиваю окружающих. И дело вовсе не в том, что я набрала лишний вес, или мое лицо стало одутловатым от выпивки и недостатка сна. Похоже, со стороны заметно, как внутри у меня все выгорело. Это видно по моему лицу, по тому, как я держу себя, как двигаюсь.

Однажды вечером на прошлой неделе я вышла из своей комнаты налить стакан воды и услышала, как Кэти разговаривает со своим бойфрендом Дэмиеном в гостиной. Я остановилась в коридоре послушать.

– Она одинока, – говорила Кэти, – и я за нее переживаю. Нельзя быть все время одной. – А потом спросила: – Может, у тебя есть какой-нибудь знакомый на работе или в клубе регби?

– Для Рейчел? – переспросил Дэмиен. – Извини, Кэт, но, если серьезно, таких озабоченных среди моих знакомых точно нет.

Четверг, 11 июля 2013 года

Утро

Я ковыряю пластырь на указательном пальце. Он влажный: промок, когда я утром мыла кофейную кружку. Теперь он клейкий и грязный, хотя утром был чистый. Я не хочу его снимать, потому что порез глубокий. Когда я вернулась

домой, Кэти не было, я отправилась в винный магазин и купила две бутылки вина. Выпив первую, я решила воспользоваться тем, что ее нет дома, и поджарить себе бифштекс с луком и съесть его с зеленым салатом. Хорошая, здоровая пища. Я порезала кончик пальца, когда измельчала лук. Должно быть, я пошла в ванную, чтобы промыть рану, а потом прилегла и напроочь забыла про кухню, потому что когда проснулась около десяти, услышала, как Кэти разговаривала с Дэмиеном и он сказал, что это мерзко – оставлять кухню в таком виде. Кэти поднялась ко мне наверх, тихо постучала в дверь и чуть приоткрыла ее. Заглянув в проем, она спросила, все ли со мной в порядке. Я извинилась, хотя и не очень понимала за что. Она сказала, что не случилось ничего страшного, но не могла бы я немного прибраться за собой? Разделочная доска была заляпана кровью, комната пропахла сырым мясом, а бифштекс, так и оставшийся лежать на столешнице, уже стал серого цвета. Дэмиен даже не поздоровался: увидев меня, он только покачал головой и отправился наверх, в спальню Кэти.

Когда они оба легли спать, я вспомнила про вторую бутылку и открыла ее. Я сидела на диване и смотрела телевизор, убавив звук до минимума, чтобы им не было слышно. Я не могу вспомнить, что именно я смотрела, но в какой-то момент, должно быть, чувствовала себя ужасно одинокой, или, наоборот, счастливой, или еще что, потому что мне вдруг захотелось с кем-то поговорить. Наверное, потребность в общении оказалась столь сильной, что не удовлетворить ее я просто не могла, а кроме Тома, позвонить мне было некому.

Я ни с кем не хочу разговаривать, кроме Тома. Если верить журналу вызовов на моем телефоне, я звонила четыре раза: в 11.02, 11.12, 11.54 и 12.09. Судя по продолжительности звонков, я оставила два сообщения. Не исключено, что он даже ответил, но я не помню, говорила ли с ним. Мне кажется, что в первом сообщении я просила его перезвонить. Во втором, возможно, тоже, так что ничего страшного.

Поезд, дернувшись, остановился на красный сигнал, и я посмотрела в окно. Джесс сидела во внутреннем дворике и пила кофе. Она положила ноги на стол и, откинув голову, загорала. Позади нее мелькнула тень, кто-то двигался: наверное, Джейсон. Мне захотелось хотя бы мельком увидеть его красивое лицо. Я хочу, чтобы он вышел, встал позади нее, как обычно, и поцеловал в макушку.

Он не выходит, и она наклоняет голову вперед. Сегодня она двигается как-то по-другому, будто на нее давит какая-то тяжесть. Я мысленно прошу его выйти к ней, но электричка дергается и начинает движение, а он по-прежнему не выходит, и она сидит одна. И вдруг, не отдавая себе в этом отчета, я начинаю смотреть уже на свой дом и не могу отвести взгляда. Стеклопакеты распахнуты, и кухню заливают свет. Я не могу сказать, на самом деле не могу, вижу ли я все это в действительности или мне только кажется: это он, стоя у раковины, моет посуду? А на кухонном столе в веселом детском креслице сидит их маленькая дочка?

Я закрываю глаза, и тьма расползается, пока не перерастает из чувства печали в нечто худшее. Я вспомнила! Я не просто просила его перезвонить мне. Теперь я помню, что плакала. Я сказала ему, что до сих пор его люблю и буду любить всегда. Пожалуйста, Том, пожалуйста, мне нужно поговорить с тобой! Мне плохо без тебя! Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет!

Я должна принять это. Какой смысл делать вид, что ничего такого не было? Я буду чувствовать себя ужасно весь день. Это будет накатывать волнами – то сильнее, то слабее, то снова сильнее: спазм в животе, приступ стыда, краска, заливающая лицо. Я с силой сжала веки, будто могла заставить все это исчезнуть. И весь день напролет я буду убеждать себя, что не случилось ничего страшного. Это не самое плохое, что я сделала в жизни. Это не сравнить с тем, как я упала на улице или набросилась с криком на незнакомого человека. Это не сравнить с унижением мужа, когда я летом на барбекю оскорбила жену одного из его друзей. Или с тем, как мы однажды вечером поругались дома, и я пыталась ударить его клюшкой для гольфа и сбила кусок штукатурки в коридоре возле спальни. Или с тем, как я вернулась на работу после трехчасового перерыва на обед и, шатаясь, шла через офис у всех на глазах, а Мартин Майлз отвел меня в сторону и отправил домой. Я читала книгу одной бывшей алкоголички, в которой она описывала, как занималась оральным сексом на оживленной лондонской улице с двумя разными мужчинами, с которыми только что познакомилась в ресторане. Прочитав это тогда, я подумала, что еще не настолько плоха. Все дело в том, на какую высоту поставить планку допустимого.

Вечер

Я думала о Джесс весь день, не в состоянии ни на что переключиться от увиденного утром. Что заставило меня подумать, что у них что-то не так? На таком расстоянии я не могла разглядеть выражения ее лица, но по ее виду чувствовалось, что она была одна. И не просто одна – одинока. Может, так и было; может, он отправился в одну из тех жарких стран, куда летает спасать жизни. И она скучает по нему, беспокоится, хотя и знает, что по-другому он не может.

Конечно, она скучает по нему, так же как и я. Он добрый и сильный, каким и должен быть настоящий муж. И их союз тоже настоящий. Я вижу это и знаю, как они живут. Сила и забота, которые он излучает, вовсе не означают, что она слаба. Ее сила в другом: ее интеллект настолько высок, что постоянно поражает и восхищает его. Чтобы проанализировать какую-то проблему, добраться до ее сути и разложить все по полочкам, ей требуется меньше времени, чем обычному человеку – поздороваться. На вечеринках он часто держит ее за руку, хотя они вместе уже много лет. Они уважают и никогда не унижают друг друга.

Сегодня вечером я чувствую себя абсолютно разбитой. Я не выпила ни капли спиртного. Бывают дни, когда мне так плохо, что мне обязательно нужно выпить; бывают дни, когда мне так плохо, что пить я не могу. Сегодня сама мысль об алкоголе вызывает тошноту. Но быть трезвой на вечернем поезде, особенно в такую жару – задача не из легких. Каждый дюйм моей кожи покрыт пленкой пота, во рту пересохло, глаза чешутся от попавшей в них туши для ресниц.

У меня в сумке загудел телефон, отчего я невольно вздрогнула. Две девушки, сидящие напротив, посмотрели на меня, а потом переглянулись с хитрой улыбкой. Не знаю, что они обо мне подумали, но уверена, что ничего хорошего. Пока я доставала телефон, сердце готово было выскочить из груди. Я понимаю, что ничего хорошего от звонка ждать не приходится. Либо Кэти своим праведным голосом поинтересуется, не стоит ли на сегодня сделать перерыв со спиртным, либо мама сообщит, что на следующей неделе будет в Лондоне, встретит меня возле офиса и мы сможем вместе пообедать. Я смотрю на экран. Это Том. Секунду я раздумываю, потом отвечаю.

– Рейчел?

В первые пять лет нашего знакомства он никогда не называл меня Рейчел, только Рейч. Иногда Шелли, потому что знал, что я этого терпеть не могу.

Его забавляло наблюдать, как я сначала раздражалась, а потом тоже невольно начинала хихикать, не в силах удержаться при звуках его заразительного смеха.

– Рейчел, это я. – Его голос звучит глухо, и чувствуется, что он сам на взводе. – Послушай, ты должна положить этому конец.

Я молчу. Электричка замедляет ход, мы почти напротив дома, моего старого дома. Я хочу сказать ему, чтобы он вышел во двор и встал на лужайке. Мне хочется его увидеть.

– Пожалуйста, Рейчел, ты не можешь вот так мне постоянно звонить! Ты должна взять себя в руки.

У меня в горле стоит комок, гладкий и твердый, как галька. Я не могу глотать. Не могу говорить.

– Рейчел? Ты меня слышишь? Я знаю, что у тебя не все в порядке, и мне тебя жаль, действительно жаль, но... Я ничем не могу тебе помочь, а эти постоянные звонки очень расстраивают Анну. Понимаешь? Я не могу тебе больше помочь. Походи на собрания анонимных алкоголиков или еще что. Пожалуйста, Рейчел. Сходи туда прямо сегодня после работы.

Я стягиваю грязный пластырь с кончика пальца и смотрю на бледную сморщенную плоть с засохшей кровью у края ногтя. Я надавливаю на порез большим пальцем правой руки и чувствую, как рана открывается вновь, отдаваясь острой и горячей болью. У меня перехватывает дыхание. Из раны начинает сочиться кровь. Девушки, сидящие напротив, смотрят на меня с ужасом.

Меган

За год до этого

Среда, 16 мая 2012 года

Утро

Я слышу приближающийся поезд, я знаю ритм его движения наизусть. Он набирает скорость после станции Норткоут, а затем, погрохотав на изгибе, начинает замедлять ход, грохот переходит в урчание, а иногда и раздаётся визг тормозов, если он останавливается на семафоре в паре сотен ярдов от дома. На столе стоит остывший кофе, но мне слишком уютно и лениво, чтобы встать и сделать себе другую чашку.

Иногда я даже не провожаю поезд взглядом, а просто слушаю. Сидя здесь утром с закрытыми глазами и чувствуя, как горячий апельсин солнца греет веки, я могу представить себя где угодно. На пляже на юге Испании, в Чинке-Терре в Италии с живописными разноцветными домами и поездами, развозящими туристов. Или вообразить, что я вновь в Холкхэме, где в ушах постоянно стоит крик чаек, на языке ощущается привкус соли, а в полумиле по ржавым рельсам проходит невидимый поезд.

Сегодня поезд не останавливается, а медленно катит мимо. Я слышу, как стучат колеса, и почти чувствую, как раскачиваются вагоны. Я не могу видеть лиц пассажиров и знаю, что они просто пассажиры, которые едут в Юстон, чтобы занять свои места в офисах, но могу мечтать и представляю экзотические путешествия, с приключениями в конце поездки и после нее. Я мысленно совершаю путешествие обратно в Холкхэм; странно, что я до сих пор вспоминаю его с такой любовью и тоской, тем более в это чудесное утро, но что есть, то есть. Ветер, шуршащий в траве, огромное сланцевое небо над дюнами, старый дом, кишачий мышами и наполненный свечами, пылью и музыкой. Для меня сейчас это все как сон.

Я чувствую, как сильно забилося сердце.

Слышу его шаги на лестнице, он зовет меня по имени.

– Хочешь еще кофе, Меган?

Чары развеиваются – я снова в настоящем.

Вечер

От бриза мне зябко, а от водки с мартини тепло. Я сижу на террасе и жду, когда Скотт вернется домой. Я собираюсь уговорить его угостить меня ужином в итальянском ресторане на Кингли-роуд. Мы никуда не выходили уже бог весть сколько.

Сегодня я мало что сделала. Собиралась оформить заявку на курс по тканям в Колледже искусств и дизайна Сент-Мартинс, даже занялась этим и была на кухне внизу, когда вдруг услышала пронзительный женский крик – будто кого-то убивают. Я выскочила в сад, но ничего не увидела.

Этот крик до сих пор стоит у меня в ушах: он был такой жуткий, полный отчаяния, что от него кровь стыла в жилах.

– Что ты делаешь? Что ты с ней делаешь? Отдай ее! Отдай немедленно!

Казалось, этому не будет конца, хотя, наверное, все длилось не больше нескольких секунд.

Я бросилась в дом, взлетела на второй этаж и очутилась на террасе. Отсюда мне было видно двух женщин у забора через несколько домов от нашего. Одна из них плакала – а может, и обе, – и еще там надрывался младенец.

Я хотела позвонить в полицию, но вскоре все успокоилось. Женщина, которая кричала, убежала в дом, прижимая к себе ребенка. Вторая осталась на месте, потом тоже побежала, но споткнулась и упала, после чего поднялась и начала описывать круги вокруг сада. Странное зрелище. Одному богу известно, что там случилось. Но за долгие недели ничего более волнующего в моей жизни не происходило.

Мои дни наполнены пустотой, теперь у меня нет галереи, в которой я раньше проводила столько времени. Мне очень ее не хватает. Мне очень не хватает общения с художниками. Я даже скучаю по пустоголовым молодым мамочкам, которые нередко заглядывали в галерею, чтобы поглазеть на картины со стаканчиком кофе в руках, а потом рассказать друзьям, что их маленький Джесси в детском саду рисовал лучше.

Иногда мне хочется попробовать разыскать кого-то из той прежней жизни, но меня останавливает мысль, что говорить с ними будет не о чем. Никто даже

не узнает меня в той Меган, что живет сейчас в счастливом браке в хорошем районе. В любом случае я не могу рисковать, оглядываясь на прошлое, ничего хорошего из этого не выйдет. Я дождусь конца лета, а потом займусь поисками работы. Я обязательно что-то найду – здесь или в другом месте, но найду обязательно.

Вторник, 14 августа 2012 года

Утро

Я стою перед своим гардеробом, разглядывая в сотый раз висящую на плечиках красивую одежду, идеально подходящую для менеджера небольшой, но весьма стильной художественной галереи. Никакой наряд не вяжется со словом «няня». Господи, само это слово вызывает желание засунуть в рот кляп. Я надеваю джинсы и футболку, зачесываю волосы назад. Я даже не накладываю макияж. Какой смысл прихорашиваться, если предстоит весь день провести с ребенком?

Я раздраженно спускаюсь по лестнице, чувствуя, что нервы на пределе. Скотт варит кофе на кухне. Он поворачивается ко мне с улыбкой, и мое настроение моментально поднимается. Недовольная гримаса сменяется улыбкой. Он протягивает кофе и целует меня.

В чем его вина, если это была моя идея? Я сама вызвалась посидеть с ребенком для семьи, живущей через несколько домов. Тогда мне казалось, что это меня развлечет. Полная чушь, я, должно быть, просто была не в себе. Меня все раздражало, мне было скучно и захотелось отвлечься. Я решила попробовать. Кажется, эта мысль пришла мне в голову, когда я услышала крик в саду и захотела узнать, что там происходит. Конечно, расспрашивать я не собиралась, да и как это было сделать?

Скотт меня поддержал – он был на седьмом небе, когда я предложила это. Он надеялся, что возня с младенцем разбудит во мне материнский инстинкт. На самом деле все оказалось с точностью до наоборот: после них я со всех ног неслась домой, чтобы поскорее раздеться, встать под душ и смыть с себя запах ребенка.

Я скучаю по своей работе в галерее, когда я прихорашивалась, делала прическу и разговаривала с умными людьми об искусстве, или фильмах, или просто болтала ни о чем. «Ни о чем» казалось большим прогрессом по сравнению с разговорами с Анной. Господи, какая же она зануда! Такое впечатление, что когда-то она могла говорить о чем-то другом, но теперь – только о ребенке. Тепло ли малышке? Не жарко ли ей? Сколько она выпила молока? И она постоянно находилась рядом, отчего я чувствовала себя чем-то вроде запасной части. От меня требовалось присмотреть за ребенком, когда Анна отдыхала, дать ей возможность перевести дух. Перевести дух от чего именно? Она сама ужасно нервная. Не сидит на месте ни секунды и все время суетится. Каждый раз, когда проходит поезд, ее передергивает, а звонок телефона заставляет вздрагивать.

– Они такие беспомощные и слабенькие, правда? – спрашивает она, и с этим я не могу не согласиться.

Я выхожу из дома и, с трудом переставляя ноги, тащусь с полсотни ярдов по Бленхайм-роуд до места своей работы. Иду туда как на каторгу. Сегодня дверь открывает не она, а ее муж Том: он уже в костюме, ботинках – отправляется на работу. В таком виде он весьма импозантен, но не как Скотт. Том не такой крупный, и кожа у него светлее, а глаза, если присмотреться, посажены слишком близко, но он очень даже ничего. Он приветствует меня широкой, как у Тома Круза, улыбкой и уходит, оставляя с ней и ребенком.

Четверг, 16 августа 2012 года

День

С меня довольно!

Я чувствую себя намного лучше, как будто теперь возможно все. Я свободна!

Я сижу на террасе и жду, когда начнется дождь. Небо над головой черное, ласточки описывают круги, время от времени срываясь в пике, воздух напоен влагой. Скотт вернется домой через час или около того, и я ему скажу. Ему, конечно, это не понравится, но я постараюсь сделать так, что через пару минут от его недовольства не останется и следа. К тому же я не собираюсь днями

напролет сидеть дома просто так: я уже все придумала. Я могла бы пойти на курсы фотографии, или заняться оформлением торговых мест, или продавать украшения. Я могла бы научиться готовить.

В школе один учитель как-то сказал мне, что у меня есть талант переосмысления себя. Не знаю, что у него тогда было на уме, может, просто закидывал удочку, но со временем эта мысль мне стала нравиться все больше и больше. Беглянка, любовница, жена, официантка, менеджер галереи, няня и еще несколько промежуточных образов. Так кем я хочу быть завтра?

Вообще-то я не собиралась уходить, но слова сами собой слетели с губ. Мы сидели за кухонным столом: Анна с младенцем на коленях, Том, заскочивший домой, чтобы что-то забрать, и сейчас пивший кофе. И я вдруг ощутила всю нелепость происходящего: в моем присутствии не было абсолютно никакой необходимости. Мало того, я почувствовал себя неловко, будто вторглась в чужую жизнь.

– Я нашла другую работу, – сообщила я неожиданно даже для себя. – Так что не смогу больше вам помогать.

Анна бросила на меня взгляд – не думаю, что она мне поверила, – и сказала:

– Что ж, очень жаль.

Было видно, что на самом деле несколько не сожалела. Напротив, эта новость ее обрадовала. Она даже не спросила, какого рода эта работа, что было мне на руку, поскольку я не придумала заранее никакой убедительной лжи.

Том казался слегка удивленным.

– Нам будет тебя не хватать, – только и сказал он, но и это тоже была ложь.

Единственным человеком, который на самом деле расстроится, будет Скотт, так что я должна придумать, как ему это преподнести. Может, стоит сказать, что Том пытается за мной ухаживать? Тогда это снимет все вопросы.

Четверг, 20 сентября 2012 года

Утро

Сейчас восьмой час, и становится прохладно, но здесь так красиво: холодные зеленые полосы садов ждут, когда из разделяющих их проходов к ним подберутся лучи солнца и вдохнут в них жизнь. Я очень плохо сплю, не могу уснуть ночью, и эта проклятая бессонница измучила меня. Я ненавижу ее больше всего на свете. Я лежу, а мой мозг постоянно работает – тик, тик, тик, тик. У меня все чешется. И хочется побрить голову наголо.

Мне хочется уехать. Отправиться в путь на кабриолете с поднятым верхом. Хочется добраться до побережья, не важно какого. Хочется ходить на пляж. Мы со старшим братом собирались стать путешественниками и колесить по дорогам. Вот такие мы с Беном строили планы. Вообще-то планы в основном строил Бен – он был большой мечтатель. Мы собирались проехать на мотоциклах от Парижа до Лазурного берега или вдоль всего тихоокеанского побережья США – от Сиэтла до Лос-Анджелеса; мы хотели повторить маршрут Че Гевары от Буэнос-Айреса до Каракаса. Может, если бы все это произошло, я бы не оказалась здесь, не зная, что делать дальше. А может, в конечном итоге оказалась бы именно там, где нахожусь сейчас, и была бы совершенно этим довольна. Но, конечно, ничего подобного не случилось, потому что Бен так и не добрался не то что до Парижа, но даже до Кембриджа. Он погиб на автотрассе A10, угодив под колеса автопоезда.

Я скучаю по нему каждый день. Наверное, больше, чем по кому-либо другому. Он – огромная брешь в моей жизни, в моей душе. А может, его смерть лишь положила начало процессу, который постепенно наполнил мою жизнь пустотой. Я не знаю. Я даже не знаю точно, связано ли все это с Беном или с тем, что случилось после того, как его не стало. Я знаю только одно: в какой-то момент мне кажется, что у меня все отлично, жизнь прекрасна и я всем довольна. Но уже в следующий мне хочется поскорее убежать – не важно куда, я не нахожу себе места, и мне не на что опереться, чтобы сохранить равновесие.

Я обращаюсь к психотерапевту. Конечно, это немного необычно, но может оказаться забавным и развлечь. Я всегда считала, что быть католичкой довольно удобно – хорошо иметь возможность излить душу на исповеди и того, кто простит тебя и отпустит все грехи, чтобы ты могла начать все с чистого листа.

Понятно, что психотерапевт – не то же самое. Я немного нервничаю, но в последнее время совсем не могу заснуть, да и Скотт меня поддержал. Я сказала ему, что мне трудно говорить о таких вещах со знакомыми, даже с ним. А он ответил, что в этом как раз и весь смысл, потому что незнакомому человеку гораздо проще рассказать обо всем, что наболело. Но это не совсем так. Всего рассказать нельзя. Бедный Скотт! Он понятия не имеет, что творится у меня на душе. Он любит меня так сильно, что мне даже больно. Я не знаю, как у него это получается. Я свожу себя с ума.

Но я должна что-то предпринять, по крайней мере не должна сидеть сложа руки. Все эти планы, что я себе насочиняла – курсы фотографии и уроки кулинарного мастерства, – на деле оказываются довольно бессмысленным занятием, как если бы я играла в реальную жизнь вместо того, чтобы в ней жить. Мне нужно найти то, что я должна делать, что-то важное. У меня не получается быть просто женой. Я не понимаю, как это кому-то удастся – ничего не делать, только сидеть и ждать. Ждать, когда муж вернется домой, чтобы любить тебя. Либо это, либо поиск того, что наполнит твою жизнь смыслом.

Вечер

Я все еще жду приема. Прошло уже полчаса после назначенного мне времени, а я по-прежнему сижу в приемной и листаю «Вог», размышляя, не пора ли встать и уйти. Я понимаю, что у обычных врачей прием больных может затянуться. Но у психотерапевта? Если судить по фильмам, они бесцеремонно выдворяют пациентов, когда истекают отведенные им пятьдесят минут. Наверное, Голливуд показывает не тех специалистов, к которым отсылает Государственная служба здравоохранения Великобритании.

Я как раз собираюсь сказать секретарше, что прождала достаточно долго и ухожу, когда дверь в кабинет врача распахивается, в проеме появляется очень высокий худощавый мужчина и протягивает мне руку с извиняющимся видом.

– Миссис Хипвелл, прошу извинить, что заставил вас ждать, – говорит он.

И я улыбаюсь ему в ответ и говорю, что все в порядке, и в этот момент я действительно чувствую, что все будет в порядке, потому что минута или две

в его обществе уже оказали на меня благотворное действие.

Думаю, все дело в его голосе. Он мягкий и низкий. У него легкий акцент, но это меня не удивляет, потому что его зовут доктор Камаль Абдик. Скорее всего ему лет тридцать пять, но выглядит он очень молодо, и у него удивительная кожа цвета темного меда. У него красивые руки, и я представляю их на себе. Я почти чувствую, как его тонкие длинные пальцы ласкают мое тело.

Мы не говорим ни о чем существенном, это просто первое знакомство: он спрашивает, что меня беспокоит, я жалуясь на приступы паники и бессонницы, на то, что не могу уснуть ночью, потому что мне страшно. Он хочет, чтобы я рассказала об этом подробнее, но я пока не готова. Он спрашивает, принимаю ли я наркотики, пью ли спиртное. Я отвечаю, что сейчас страдаю от других пороков, ловлю его взгляд, и мне кажется, он понимает, что я имею в виду. Тогда я говорю себе, что должна быть серьезнее, и рассказываю о закрытии галереи и о том, что теперь постоянно чувствую себя неприкаянной, утратила внутренний покой и слишком много копаюсь в своих мыслях. Он немногословен, лишь изредка задает наводящие вопросы, но мне хочется слышать его голос, и перед уходом я спрашиваю, откуда он приехал.

– Из Мейдстоуна, – отвечает он, – это в Кенте. Но в Корли я перебрался несколько лет назад. – Он знает, что я хотела узнать не это, и лукаво улыбается.

Дома Скотт ждет моего возвращения, сразу наливает мне выпить и расспрашивает о том, как все прошло. Я говорю, что все прошло хорошо. Он спрашивает о враче: понравился ли он мне, как держался? Я снова отвечаю, что нормально, потому что не хочу показаться слишком восторженной. Он интересуется, говорили ли мы о Бене. Скотт думает, что все дело в Бене. Может, он и прав. Не исключено, что он знает меня лучше, чем мне кажется.

Вторник 25 сентября 2012 года

Утро

Этим утром я проснулась рано, но несколько часов все же проспала, что по сравнению с прошлой неделей настоящий прогресс. Вылезая из постели,

я чувствовала себя почти отдохнувшей, поэтому, вместо того чтобы сидеть на террасе, решила совершить прогулку.

Я сама избегаю общения, почти не отдавая себе в этом отчета. Места моих посещений в последнее время ограничиваются магазинами, студией пилатеса и кабинетом психотерапевта. Иногда я еще заглядываю к Таре. Все остальное время провожу дома. Неудивительно, что мне все время не по себе.

Я выхожу из дома, поворачиваю сначала направо, потом налево на Кингли-роуд. Прохожу мимо паба «Роуз». Раньше мы постоянно туда наведывались, и я не могу вспомнить, почему перестали. Мне никогда там особо не нравилось: слишком много пар за сорок, которые слишком много пьют или приглядываются, не обломится ли что еще, если, конечно, у них хватит на это духу. Не исключено, что мы перестали туда ходить именно потому, что мне это не нравилось. Я прохожу мимо паба, мимо магазинов. Не хочу уходить далеко, просто сделаю небольшой круг, чтобы размять ноги.

Приятно оказаться на улице в столь ранний час, когда еще нет спешащих в школу детей и торопящихся на электричку до Лондона взрослых; улицы пусты и чисты, а новый день сулит много возможностей. Я опять поворачиваю налево и иду к маленькой детской площадке – единственному, хоть и довольно неказистому зеленому уголку города. Сейчас тут никого нет, но через несколько часов будет полно малышей с мамашами и гувернантками. Половина занимающихся пилатесом девушек, упакованных с ног до головы в модные спортивные наряды, тоже окажутся здесь, эффектно потягиваясь со стаканчиками кофе в ухоженных руках.

Я прохожу мимо парка и направляюсь вниз, к Роузберри-авеню. Если повернуть направо, я окажусь возле своей галереи – вернее, там, где раньше была галерея, а теперь просто пустая витрина, – но я не хочу ее видеть, потому что до сих пор жалею о ней. Я так старалась, чтобы она стала популярной! Но она оказалась не в том месте и не в то время – в пригороде нет тяги к искусству, тем более при такой экономике. Поэтому я поворачиваю направо возле супермаркета «Теско» и прохожу мимо другого паба, куда в основном наведываются местные фермеры, и направляюсь уже в сторону дома. Я чувствую, как меня охватывает беспокойство и что я начинаю нервничать. Я боюсь столкнуться с Уотсонами, при виде их мне всегда неловко: понятно, что никакой новой работы у меня нет, я просто не хочу у них работать.

Вернее, я испытываю неловкость при встрече с ней. Том меня просто не замечает. Но Анна, похоже, принимает это близко к сердцу. Она, очевидно, думает, что моя недолгая карьера в качестве няни завершилась из-за нее или ее ребенка. В действительности дело вовсе не в ее ребенке, хотя из-за вечного хныканья его трудно любить. Все гораздо сложнее, но объяснить ей это я, конечно, не могу. В любом случае именно нежелание видеть Уотсонов является одной из причин моего затворничества. Я подсознательно надеюсь, что они переедут. Я знаю, что ей здесь не нравится: она ненавидит этот дом, ненавидит жить среди вещей бывшей жены своего мужа, ненавидит поезда.

Я останавливаюсь на углу и заглядываю в подземный переход. От царящего тут запаха холода и сырости у меня всегда бегут мурашки по коже, это как перевернуть камень, чтобы посмотреть, что там под ним: мох, черви и земля. Это напоминает мне, как в детстве я искала с Беном лягушек в пруду. Я иду дальше. Улица пустынна – никаких признаков Тома или Анны, – и та часть меня, что не может обходиться без драмы, чувствует себя обманутой.

Вечер

Только что позвонил Скотт и предупредил, что задержится на работе, но мне хотелось услышать совсем другое. Весь день я на взводе. Не могу усидеть на месте. Я надеялась, что он придет домой и успокоит меня, а он вернется только через несколько часов, и мысли в моей голове так и будут продолжать крутиться, крутиться и крутиться, и я знаю, что меня ждет бессонная ночь.

Я не могу просто так сидеть, наблюдая за поездами, я слишком нервничаю, и сердце трепещет в груди, будто птица, пытающаяся вырваться из клетки на волю. Я сую ноги в шлепанцы, спускаюсь вниз и выхожу из передней двери на Бленхайм-роуд. Сейчас около половины восьмого – на улице несколько припозднившихся прохожих, которые спешат домой с работы. Больше никого нет, хотя слышны крики детей, играющих на заднем дворе, пока летнее солнце окончательно не село и их не позвали на ужин.

Иду по дороге к станции. Останавливаюсь возле дома номер двадцать три и размышляю, не стоит ли позвонить в дверь. Что я скажу? Что кончился сахар? Или просто заглянула поболтать? Их жалюзи наполовину открыты, но внутри никого не видно.

Я иду дальше, дохожу до угла и почему-то спускаюсь в подземный переход. Когда я достигаю примерно середины, сверху проходит поезд, и это потрясающе! Это как землетрясение: его вибрация, разгоняющая кровь, ощущается всем телом. Я смотрю вниз и замечаю что-то на полу: это обруч для волос, фиолетовый, растянутый и потертый. Должно быть, его потеряли во время пробежки, но у меня отчего-то бегут мурашки, мне хочется поскорее выбраться наверх и оказаться там, где светит солнце.

На обратном пути он проезжает мимо меня на своей машине, наши взгляды на мгновение встречаются, и он улыбается мне.

Рейчел

Пятница, 12 июля 2013 года

Утро

Я чувствую себя абсолютно разбитой, голова после сна тяжелая, будто налита свинцом. Когда пью, я практически не сплю. Отключаюсь на час или два, а когда прихожу в себя, чувствую тошноту от страха и от самой себя. Если выдается день, когда я не пью, то ночью после этого впадаю в тяжелое забытие, а утром не могу толком проснуться, не могу избавиться от сонливости, которая мучает меня долгие часы, а то и весь день.

Сегодня в вагоне мало пассажиров, и рядом со мной никто не сидит. Никто на меня не смотрит, я склоняю голову к окну и закрываю глаза.

Визг тормозов поезда будит меня. Мы у семафора. По утрам в это время года солнечные лучи падают на заднюю часть домов у полосы отчуждения, заливая их светом. Я почти чувствую тепло утреннего солнца на лице и руках, когда сижу за столом во время завтрака, а Том сидит напротив меня. Я босиком, ставлю свои ноги на его, поэтому у него они всегда теплые, и читаю газету. Я чувствую, что он смотрит на меня и улыбается, и меня заливает краской, поднимающаяся от груди к шее, что всегда со мной происходит, когда он смотрит на меня определенным образом.

Я с силой зажмуриваюсь, и Том исчезает. Мы по-прежнему стоим на семафоре. Я вижу в саду Джесс, а за ней выходящего из дома мужчину. В руках он что-то несет – возможно, кружки кофе. Я смотрю на него и понимаю, что это не Джейсон. Этот человек выше, стройнее и смуглее. Он – друг семьи, ее брат или брат Джейсона. Он наклоняется, ставит кружки на металлический столик во внутреннем дворике. Это двоюродный брат из Австралии, остановившийся у них на пару недель; старый друг Джейсона, шафер на их свадьбе. Джесс подходит к нему, обнимает за талию и целует долго и страстно. Электричка трогается.

Я не верю своим глазам. Сделав судорожный вдох, осознаю, что от изумления даже перестала дышать. Почему она так поступает? Джейсон любит ее, это видно, они счастливы. Я не могу поверить, что она с ним так поступает, он не заслуживает такого. Я чувствую глубокую обиду, как будто меня жестоко обманули. Знакомая боль наполняет грудь. Со мной такое уже случалось. Конечно, тогда боль ощущалось острее, но ее характер я помню. Такое не забывается.

Я узнала об этом тем же способом, каким в наши дни узнают обо всем – благодаря беспечности в общении при помощи электроники. Иногда это эсэмэска или голосовое сообщение; в моем случае это была электронная почта – современный след помады на воротничке. На самом деле это вышло случайно. Я не должна была трогать компьютер Тома, потому что он боялся, как бы я по ошибке не удалила что-то важное, или нажала не на ту кнопку и запустила в него вирус или троянскую программу, или что-то в этом роде.

– Техника явно не твой конек, верно, Рейч? – сказал он, когда я умудрилась случайно стереть все контакты из его списка электронных адресов. Так что я не должна была трогать его компьютер. Но мои намерения были самыми благими – мне хотелось как-то загладить вину за проблемы, которые я создавала в последнее время. Я хотела устроить нам поездку на четвертую годовщину свадьбы, чтобы мы вспомнили, как все было когда-то. Это должен был быть сюрприз, и мне было необходимо узнать его рабочий график. Вот почему я оказалась за его компьютером.

Я за ним не следила, не пыталась в чем-то уличить. Упаси Боже! Я вовсе не из тех ужасных подозрительных жен, которые роются в карманах у своих мужей. Однажды, когда он был в ванной, я ответила на звонок его телефона, чем буквально вывела его из себя. Тогда он обвинил меня в недоверии.

Я чувствовала себя ужасно, потому что он по-настоящему обиделся.

Мне просто хотелось узнать его рабочий график, а он опаздывал на встречу и забыл выключить свой ноутбук. Это было как нельзя кстати: я посмотрела график и сделала для себя нужные пометки. Когда я закрыла окно браузера с календарем, на экране оказалась страница электронной почты. Там было одно новое письмо, и я на него кликнула. ХХХХХ. Просто строчка из букв Х. Сначала я подумала, что это спам, а потом до меня дошло, что это поцелуи.

Это был ответ на сообщение, которое он отправил чуть позже семи, то есть несколько часов назад, когда я еще спала в нашей постели.

Я заснул вчера вечером, думая о тебе, и мне приснилось, что я целую твои губы, грудь, бедра. Утром я проснулся, и все мои мысли были только о том, как сильно мне хочется тебя гладить и ласкать.

Если ты думаешь, что я не потеряю рассудок, то ошибаешься. С тобой это невозможно.

Я прочитала его сообщения: их были десятки, и они хранились в папке «Настройки». Я выяснила, что ее зовут Анна Бойд и что мой муж в нее влюблен. Он постоянно об этом писал. Писал, что никогда раньше не испытывал такого чувства, что не может дождаться, когда они будут вместе, и что это обязательно случится.

У меня нет слов, чтобы описать, что я чувствовала в тот день, но сейчас в поезде меня захлестывает ярость. Ногти больно впиваются в ладони, в глазах щиплет. Я в бешенстве. Чувство такое, будто у меня что-то отняли. Как она могла? Как могла Джесс так поступить? Да что с ней такое? Разве жизнь их не была чудесной? Я никогда не понимала, как люди могут так беспечно причинять боль другим, следуя зову своего сердца. Кто сказал, что слушать свое сердце хорошо? Это чистой воды эгоизм, стремление все подчинить своим страстям. Меня переполняет ненависть. Если бы я сейчас увидела эту женщину, увидела Джесс, я бы плюнула ей в лицо. Я бы выцарапала ей глаза.

Вечер

На железной дороге какая-то проблема. Электричку до Стоука в 17.56 отменили, и ее пассажиры сейчас едут в моем поезде, так что все сидячие места в вагоне заняты. Мне, к счастью, место нашлось, правда, не у окна, а у прохода, и набившиеся в вагон люди вторгаются в мое личное пространство и то и дело задевают меня за плечо или колено. Я борюсь с желанием встать и с силой отодвинуть их всех назад. Стоявшая весь день жара меня измучила, мне кажется, что я дышу через маску. Все окна открыты, но даже при движении поезда ощущение такое, будто мы заперты в душной металлической камере. Моим легким не хватает кислорода. Меня тошнит.

Перед глазами постоянно прокручивается картина того, что произошло утром в кофейне. Мне кажется, что я по-прежнему нахожусь там и все на меня смотрят.

Я виню в этом Джесс. Я не могла выбросить из головы Джесс и Джейсона, ее поведение и его реакцию, скандал, который неизбежно разразится, когда он узнает, что мир, в котором он жил, рухнул, совсем как мой в свое время. Я шла, погруженная в свои мысли, не замечая ничего вокруг, и машинально толкнула дверь встретившейся по пути кофейни, забыв, что именно сюда часто заглядывают сотрудники «Хантингтон Уайтли», где я раньше работала. Я заметила их слишком поздно и выйти обратно на улицу уже не могла – они смотрели на меня, и их глаза на мгновение расширились. Однако они быстро пришли в себя и, изобразив на губах улыбки, приветственно замахали, приглашая присоединиться. Мартин Майлз с Сашей и Харриет, триумвират неловкости.

– Рейчел! – произнес Мартин, протягивая руки, чтобы заключить меня в объятия.

Я этого не ожидала, и мои руки так и остались висеть по швам, когда он притянул меня к себе. Саша и Харриет улыбнулись, чмокнув воздух и держась на расстоянии.

– Что ты здесь делаешь?

Я долго молчала, глядя в пол, и почувствовала, что начинаю краснеть. Понимая, что только все усложняю, натянуто рассмеялась и ответила:

- Собеседование. Я тут на собеседовании.

- Правда?

Мартин не мог скрыть удивления, а Саша и Харриет кивнули и улыбнулись.

- И что за фирма?

Я не могла вспомнить названия ни одной фирмы по связям с общественностью. Ни одной. И ни одного агентства недвижимости, не говоря уже о том, которому действительно были нужны сотрудники. Я просто стояла, потирая нижнюю губу указательным пальцем и качая головой. Наконец Мартин сам прервал молчание:

- Полная секретность, верно? Да, есть такие фирмы, которые настаивают на конфиденциальности, пока контракт не будет заключен официально.

Это была полная чушь, и он это знал и сказал это, чтобы помочь мне. Все это понимали, но сделали вид, что так оно и есть, и кивнули. Харриет и Саша смотрели мне за спину на дверь, им было неловко, и они не знали, что делать дальше.

- Пойду закажу себе кофе, - сказала я. - Не хочу опаздывать.

Мартин взял меня за локоть и произнес:

- Я очень рад тебя видеть, Рейчел.

Его жалость была почти осязаемой. За последние год-два своей жизни я поняла, насколько это унижительно - вызывать жалость. Раньше я этого не понимала.

Я намеревалась зайти в библиотеку «Холборн» на Теобальдс-роуд, но передумала и направилась в Риджентс-парк. Дошла до самого дальнего его конца, примыкающего к зоопарку, села на скамейку в тени платана, размышляя, чем заполнить время, и прокручивая в голове разговор в кофейне, вспоминала выражение лица Мартина, когда мы прощались.

Наверное, я пробыла там меньше получаса, когда зазвонил мобильник. Это был Том, и он звонил с домашнего телефона. Я представила, как он работает на своем ноутбуке на нашей солнечной кухне, но воспоминания отравляли обстоятельства его новой жизни. Она где-то рядом, готовит чай или кормит девочку, незримо отбрасывая тень на всю его новую жизнь. Я не ответила, и вызов переключился на голосовую почту. Я убрала телефон обратно в сумку и постаралась о нем не думать.

Я не хотела больше его слышать, во всяком случае сегодня; на сегодня и так уже достаточно неприятностей, а время всего пол-одиннадцатого. Я выждала минуты три, потом достала телефон и набрала голосовую почту.

Я приготовилась к пытке: теперь мне мучительно больно просто слышать его голос, который раньше при общении со мной был веселым и легким, а теперь только увещевает, утешает или жалеет. Но звонил не он.

– Рейчел, это Анна.

Я нажала клавишу отбоя.

У меня перехватило дыхание, в голове закрутились сотни мыслей, а по телу побежали мурашки. Я поднялась, дошла до магазина на углу Тичфилд-стрит и купила четыре банки джина-тоника. Тут же открыла одну и быстро выпила, затем взяла вторую. Я повернулась спиной к дорожке, чтобы не видеть делающих пробежку людей, матерей с малышами и туристов. Если я их не вижу, то, как ребенок, могу считать, что и они меня тоже не видят. Я снова набрала голосовую почту.

– Рейчел, это Анна.

Долгая пауза.

– Мне надо поговорить с тобой о телефонных звонках.

Снова долгая пауза. Она разговаривает со мной и, как и все занятые жены и матери, одновременно делает что-то еще – убирается или загружает стиральную машину.

– Послушай, я знаю, как тебе сейчас нелегко, – говорит она, словно не имеет к этому никакого отношения, – но ты должна прекратить постоянно звонить нам по ночам. – Теперь ее тон сухой и раздраженный. – Мало того, что ты будишь нас, ты будишь Эви, а это недопустимо! Мы потом никак не можем ее успокоить.

«Мы не можем ее успокоить». Мы. Нас. Наша маленькая семья. Со своими проблемами и укладом. Сука!

Да она кукушка, подбросившая свои яйца в мое гнездо! Она отняла у меня все! Она отняла у меня все, а теперь звонит и говорит, что мои страдания причиняют ей беспокойство?

Я приканчиваю вторую банку и открываю третью. Блаженное воздействие алкоголя приносит облегчение всего на несколько минут, а потом мне становится нехорошо. Я пью слишком быстро даже для себя, нужно сбавить обороты: если продолжать в том же духе, то добром это не кончится. Я сделаю нечто, о чем буду потом жалеть. Я собираюсь позвонить ей сама и сказать, что мне наплевать на нее, и на ее семью тоже, и что меня не волнует, будет ли ее ребенок вообще когда-то спать до конца своей жизни. Я собираюсь сказать ей, что слова, которые он ей писал – насчет потери рассудка, – он точно так же писал мне, когда у нас все начиналось, и еще он называл меня своей вечной любовью. И это было до нее. Это даже не его слова – он украл их у Генри Миллера. Все, что у нее есть, уже было в употреблении. Интересно, что она скажет на это? Я хочу позвонить и поинтересоваться, как ей живется в моем доме, в окружении купленной мною мебели, как ей спится в постели, которую я с ним делила так много лет, каково это – кормить ребенка на кухонном столе, на котором он меня трахал?

Меня до сих пор поражает, что они решили остаться там, в том доме, в моем доме. Я не могла поверить, когда он мне сказал. Я любила этот дом. Именно я настояла на его покупке, несмотря на близость к железной дороге.

Мне нравилось, что рядом проложены пути, нравилось смотреть на проходящие поезда, нравилось слышать старомодный перестук колес, а не рев двигателей автобусов междугороднего сообщения. Том говорил, что со временем старые пути заменят и тогда мимо нас будут мчаться скоростные экспрессы, но мне в это не верилось. Я бы осталась жить в этом доме и выкупила у Тома его долю, будь у меня деньги. Но денег не было, а после развода мы не могли найти покупателя за достойную цену, так что он сказал, что сам выкупит у меня долю

и останется в нем жить, пока не найдет покупателя за приличные деньги. Однако покупателя он так и не нашел, а вместо этого перевез сюда ее, и ей тут понравилось, и они решили остаться. Наверное, надо быть очень уверенной в себе и в нем, чтобы присутствие здесь раньше другой женщины совсем не смущало. Она явно не считает меня угрозой. Я думаю о Теде Хьюзе[1 - Эдвард Джеймс Хьюз (1930-1998) - английский поэт и детский писатель, занимающий четвертое место в списке «50 лучших британских писателей послевоенной эпохи». - Здесь и далее примеч. пер.], о том, как он перевез Асю Вевилл в дом, в котором раньше жил с Сильвией Плат, как она носила ее одежду, расчесывала волосы ее расческой. Я хочу позвонить Анне и напомнить ей, что Ася покончила с собой, отравившись угарным газом, в точности воспроизведя обстоятельства самоубийства Сильвии.

Судя по всему, джин и жаркое солнце сморили меня, и я задремала. Потом вдруг резко очнулась и начала лихорадочно шарить рукой по скамейке в поисках сумочки. Она была на месте. Кожа чесалась. По ней повсюду ползали муравьи - они были в волосах, на шее и груди. Я судорожно вскочила и принялась их стряхивать. Два подростка, пинавшие мяч неподалеку, перестали играть и, сложившись пополам от смеха, не сводили с меня глаз.

Электричка останавливается. Мы почти напротив дома Джесс и Джейсона, но за путями его не видно - слишком много людей загораживают вид. Интересно, дома ли они, в курсе ли он, ушел ли из дома или все еще живет прежней жизнью, которая окажется ложью?

Суббота, 13 июля 2013 года

Утро

Мне не надо смотреть на часы, чтобы узнать, что сейчас восемь часов плюс-минус пятнадцать минут. Я знаю это по свету, по доносящимся с улицы звукам, по шуму пылесоса, которым Кэти чистит дорожку в коридоре напротив моей двери. По субботам Кэти обязательно встает рано, чтобы навести порядок в доме, и не важно, что это за день. Даже если он окажется днем ее рождения или мистическим утром приобщения к Истине, Кэти все равно поднимется пораньше, чтобы убраться. Она говорит, что это ее расслабляет и настраивает

на хорошие выходные, а поскольку это еще и физическая нагрузка, то освобождает от похода в тренажерный зал.

Вообще-то ее уборка и шум пылесоса ранним утром меня не смущают, потому что я все равно не сплю. Я не могу спать по утрам, не могу сонно проваляться в постели до полудня. Я просыпаюсь внезапно, чувствуя, как колотится сердце, как я неровно дышу и как сухо во рту, и сразу же понимаю, что все кончено. Я проснулась. Чем сильнее я пытаюсь заставить себя погрузиться в блаженную дремоту, тем меньше у меня на это шансов. Жизнь и свет не позволят мне этого. Я лежу, прислушиваясь к звукам бодрой и жизнерадостной деятельности Кэти, и думаю о куче тряпья возле путей и о Джесс, целующей любовника в лучах утреннего солнца.

Впереди меня ждет день, который ничем не занят.

Можно пойти на фермерский рынок, купить оленины и бекона и провести день у кухонной плиты.

Можно посидеть на диване перед телевизором с чашкой чая и посмотреть какую-нибудь кулинарную передачу.

Можно пойти в спортзал.

Можно написать заново свое резюме.

Можно дожидаться, когда Кэти уйдет из дома, сходить в магазин и купить две бутылки «Совиньон блан».

В той другой жизни я тоже проснулась рано. За окном прогрехотала электричка на 8.04. Я открыла глаза и прислушалась к стуку дождевых капель в оконное стекло. Я чувствовала рядом его – сонного, теплого и с эрекцией. Потом он пошел забрать газеты, а я сделала яичницу, мы сидели на кухне и пили чай. Затем сходили в паб, где довольно поздно пообедали, и, придя домой, уснули, обнявшись, перед телевизором. Наверное, теперь у него все по-другому – никакого ленивого секса по субботам и яичницы, а вместо них иные радости: что-то лепечущая маленькая девочка в кровати между ним и женой. Сейчас она только учится говорить: все эти «да-да» и «ма-ма» на том тайном языке, который понимают лишь родители.

В груди застрял твердый и тяжелый ком боли, который не дает дышать.
Я не могу дождаться, когда Кэти наконец уйдет из дома.

Вечер

Я собираюсь повидать Джейсона.

Я целый день просидела в своей спальне, дожидаясь, когда Кэти уйдет, чтобы можно было выпить. Но она так никуда и не ушла – она сидела в гостиной стойко и непоколебимо, будто часовой на посту, и «чистила комп». Ближе к вечеру я уже была не в силах и дальше выдерживать свое заключение и скуку, поэтому сказала ей, что пойду погулять. Я направилась в паб «Уитшиф» возле Хай-стрит и выпила три больших бокала вина. И пару порций виски. Потом пошла на станцию, купила пару банок джина-тоника и села в электричку.

Я собираюсь повидать Джейсона.

Я не собираюсь наносить ему визит, заявляться домой и стучать в дверь. Ничего подобного. Ничего безрассудного. Я хочу просто проехать мимо их дома на поезде. Делать мне все равно нечего, а домой идти не хочется. Мне просто хочется его увидеть. Увидеть их обоих.

Это неправильно. Я знаю, что это неправильно. Но что в этом плохого? Я доеду до Юстона, снова сяду в электричку и вернусь обратно. (Мне нравятся поезда, и что с того? Поезда просто прекрасны.)

Раньше, когда я еще была собой, я мечтала о романтических путешествиях с Томом. (От Бергена до Хенефосса в Норвегии на пятилетие нашей свадьбы и от Претории до Кейптауна в Южной Африке на его сорокалетие.)

Внимание, мы подъезжаем к их дому. На улице еще светло, но мне плохо видно. (В глазах двоится. Один надо закрыть. Так лучше.) Вон они! Это он? Они стоят на террасе. Так ведь? Это Джейсон? Это Джесс?

Мне хочется оказаться поближе, мне плохо видно. Нужно подобраться к ним поближе. Я не поеду в Юстон. Я сойду в Уитни. (Я не должна появляться в Уитни,

это слишком опасно. Что, если Том или Анна меня увидят?)

Я все-таки сойду в Уитни.

Не самая лучшая идея.

Очень плохая идея.

На противоположной стороне сидит мужчина со светлыми, ближе к цвету имбиря, волосами. Он улыбается мне. Я хочу ему что-то сказать, но слова улечувиваются с кончика моего языка, прежде чем я успеваю их произнести. Я чувствую их вкус, но я не могу сказать, сладкие они или кислые.

Он мне улыбается. Или ухмыляется? Непонятно.

Воскресенье, 14 июля 2013 года

Утро

Ощущение такое, будто пульс бьется где-то в глубине горла, неприятно и громко. Во рту сухо, и больно глотать. Я поворачиваюсь на бок в сторону окна. Шторы задернуты, но от света, который они пропускают, больно глазам. Я подношу руку к лицу и нажимаю пальцами на веки, пытаюсь стереть боль. Ногти грязные.

Что-то не так. На секунду мне вдруг кажется, что я лечу вниз, будто кто-то выдернул из-под меня кровать. Вчера вечером. Что-то случилось. Воздух наконец заполняет легкие, и я сажусь. Но слишком резко. Сердце бешено колотится, голова раскалывается.

Я жду, когда вернется память. Иногда ждать приходится долго. Иногда она возвращается за считанные секунды. А иногда ничего вспомнить так и не удается.

Случилось что-то очень плохое. Была ссора. Слышались крики. Драка? Я не знаю, не помню. Я была в баре, потом села в электричку, потом вышла на станции,

оказалась на улице. Я была на улице. На Бленхайм-роуд. Я отправилась на Бленхайм-роуд!

Осознание этого накрывает меня волной черного страха.

Что-то случилось, я это точно знаю. Не могу понять, что именно, но я это чувствую. Во рту что-то болит, будто я прикусила щеку, и на языке металлический привкус крови. Меня тошнит, голова кружится. Я провожу рукой по голове и вздрагиваю от боли. С правой стороны огромная шишка. Волосы слиплись от крови.

Я споткнулась, вот оно что. На лестнице, на станции Уитни. Я что, ударилась там головой? Я помню, как ехала в электричке, но что случилось потом – черная дыра в памяти. Глубоко дышу, стараясь заставить сердце биться медленнее и подавить нарастающую панику в груди. Думай! Что я сделала? Я пошла в паб, потом села на поезд. Там был мужчина – теперь я вспоминаю, что у него рыжеватые волосы. Он улыбнулся мне. Кажется, он говорил что-то, но что конкретно, не могу вспомнить. С ним связано что-то еще, это я помню, но что именно – не могу извлечь из черной дыры памяти.

Мне страшно, но что конкретно меня пугает, непонятно, и страх от этого только усиливается. Я даже не знаю, нужно ли чего-то бояться на самом деле. Я обвожу взглядом комнату. На прикроватной тумбочке нет телефона. Сумки нет ни на полу, ни на спинке стула, куда я ее обычно вешаю. Наверняка она где-то здесь, потому что я дома, а ключи были в сумке.

Я вылезаю из кровати. Я голая. Смотрю на себя в большое зеркало на гардеробе. Руки трясутся. Тушь для ресниц размазана по щекам, на нижней губе ранка. На ногах синяки. Меня тошнит. Я снова сажусь на кровать, опускаю голову на колени и жду, когда приступ пройдет. Потом поднимаюсь, беру халат и, чуть приоткрыв дверь, выглядываю в щелку в коридор. В квартире тихо. Почему-то я уверена, что Кэти нет дома. Она говорила, что останется у Дэмиена? Мне кажется, да, хотя и не помню когда. До того, как я ушла? Или мы разговаривали потом? Я выхожу в коридор, стараясь двигаться как можно тише. Дверь в спальню Кэти открыта. Я заглядываю. Ее кровать заправлена. Не исключено, что она уже встала и успела убрать постель, но мне кажется, что она не ночевала дома. Это радует. Если ее не было, то она не видела и не слышала, как я вернулась, а значит, не в курсе, в каком я была состоянии. Вообще-то мне не должно быть до этого дела, но все иначе: чувство стыда,

которое я испытываю, определяется не только тяжестью ситуации, но и числом людей, которые стали ее свидетелями.

Наверху лестницы у меня снова кружится голова, и я крепко вцепляюсь в перила. Один из самых больших моих страхов (наряду с кровотечением в животе, когда моя печень наконец разорвется) – это что я упаду с лестницы и сломаю себе шею. Мысль об этом снова вызывает тошноту. Мне хочется лечь, но сначала надо найти сумку и проверить телефон. Мне нужно знать, что я, по крайней мере, не потеряла свои кредитки, а также кто и когда мне звонил. Сумка валялась в прихожей возле двери. Рядом брошены в кучу джинсы и нижнее белье, от которого еще на лестнице доносился запах мочи. Я хватаю сумку и ищу телефон – слава Богу, он на месте, среди скомканных двадцаток и заляпанной кровью бумажной салфетки. Подкатывает новый приступ тошноты, на этот раз гораздо сильнее. Я чувствую, что меня вот-вот вырвет, и бегу, но добраться до ванной не успеваю, и меня выворачивает на ковер прямо посередине лестницы.

Мне нужно прилечь. Если я не лягу, то просто отключусь и сорвусь вниз. Уберу за собой потом.

Наверху я ставлю телефон заряжаться и ложусь на кровать. Потом осторожно разглядываю свои ноги. Выше колен много синяков – обычная картина для тех, кто перебирает спиртного и натывается при ходьбе на разные предметы. На руках синяки не такие безобидные – они темные и продолговатые, как следы от захватов. Но это не обязательно говорит о плохом: у меня уже были такие, в основном когда я падала и мне помогали подняться. Шишка на голове сильно ноет, но причина ее появления может быть совершенно безобидной: например, стукнулась, когда садилась в машину. Я вполне могла взять такси, чтобы добраться до дома.

Я беру телефон. На нем два голосовых сообщения. Первое получено от Кэти в шестом часу, в котором она спрашивает, где я. Она едет к Дэмиену и останется у него на ночь, так что мы увидимся только завтра. Она надеется, что я не пью. Второе сообщение – уже от Тома – получено в четверть одиннадцатого. Я едва не роняю телефон от испуга, услышав его крик:

«Господи, Рейчел, когда ты, наконец, угомонишься?! Я сыт этим по горло, понятно? Я почти час ездил по округе, разыскивая тебя. Ты до смерти напугала Анну, ты в курсе? Она думала, что ты... она думала... Я едва отговорил ее

обращаться в полицию. Оставь, наконец, нас в покое. Перестань названивать мне, отвяжись, просто оставь нас в покое! Я не хочу с тобой разговаривать. Ты поняла? Я не хочу ни говорить с тобой, ни видеть тебя, и держись от моей семьи подальше. Со своей жизнью ты можешь делать, что хочешь, но я не позволю тебе разрушать мою. Хватит! Я больше не стану тебя прикрывать, поняла? Просто держись от нас подальше».

Не знаю, что я такого сделала. Что? Чем я занималась с пяти до десяти пятнадцати? Почему меня искал Том? Что я сделала Анне? Я накрываюсь одеялом с головой и крепко зажимаю глаза. Я представляю как направляюсь к дому: прохожу по узкой дорожке, отделяющей их сад от соседского, перебираюсь через ограду. Я представляю, как открываю стеклянную дверь и незаметно пробираюсь на кухню. Анна сидит за столом. Я хватаю ее сзади за светлые волосы и опрокидываю на себя. Она падает, и я с силой колочу ее головой о холодную голубую плитку.

Вечер

Кто-то кричит. По тому, как лучи света падают в окно, я понимаю, что проспала долго. Сейчас, наверное, уже ближе к вечеру. Голова раскалывается, на подушке кровь. Я слышу, как снизу доносится крик:

– Глазам своим не верю! Боже милостивый! Рейчел! Рейчел!!!

Я уснула. Господи! И я не убрала рвоту с лестницы. И вещи из прихожей. О Господи!

Я натягиваю спортивные брюки и футболку и открываю дверь. Кэти стоит прямо за ней и при взгляде на меня приходит в ужас.

– Что с тобой случилось? – спрашивает она и тут же поднимает руку. – Вообще-то, Рейчел, извини, но я не хочу этого знать. Я не потерплю такого в своем доме! Я не потерплю... – Она не заканчивает фразы, оборачивается и смотрит вниз, на лестницу.

– Извини, – говорю я. – Мне ужасно неудобно, но мне действительно было нехорошо, я собиралась за собой убрать...

– Тебе не было нехорошо, верно? Ты просто напилась. И у тебя было похмелье. Извини, Рейчел. Больше так продолжаться не может. Я не могу так жить. Тебе придется уехать, договорились? Я дам тебе четыре недели подыскать себе жилье, а потом ты уедешь. – Она поворачивается и идет в свою комнату. – И Бога ради, убери за собой этот бардак! – Она с силой хлопает дверью.

Закончив уборку, я возвращаюсь в свою комнату. Дверь в комнату Кэти по-прежнему закрыта, но я чувствую, что она никак не может успокоиться. Я сама пришла бы в бешенство, если бы вернулась домой и наткнулась на пропитанные мочой трусы и рвотную лужу на лестнице. Я села на кровать, открыла ноутбук, зашла в почту и стала писать письмо матери. Похоже, пришло время обратиться за помощью. Другого выхода нет. Если я вернусь домой, то уже не смогу вести прежний образ жизни, мне придется измениться, придется стать лучше. Однако мне трудно подобрать слова, я не знаю, как ей все объяснить. Я представляю, какие чувства отразятся на ее лице, когда она будет читать мою мольбу о помощи: разочарование и раздражение. Я почти слышу, как она вздыхает.

Телефон подает сигнал. Напоминает о голосовом сообщении, полученном несколько часов назад. Это снова Том. Я не хочу еще раз выслушивать все, что у него накопилось, но и проигнорировать звонок тоже не могу. Набирая свою голосовую почту, я готовлюсь к худшему.

«Рейчел, перезвони мне, ладно? – В его голосе уже нет злости, и мне становится легче. – Я хочу убедиться, что ты нормально добралась домой. Вчера ты была в том еще состоянии. – Долгий и искренний вздох. – Послушай. Мне жаль, что я вчера накричал, что... слишком увлекся. Мне очень жаль тебя, Рейчел, правда, но так продолжаться не может».

Я несколько раз прокручиваю сообщение, слышу участие в его голосе, и к глазам подступают слезы. Я плачу очень долго, а потом пишу эсмэску, в которой прошу меня извинить и сообщаю, что я дома. Ничего другого я добавить не могу, потому что не знаю, за что должна извиняться. Я не знаю, что сделала Анне и чем ее напугала. Честно говоря, меня это и не особо беспокоит, зато беспокоит то, что я порчу жизнь Тому. После всего, через что ему пришлось пройти, он заслуживает счастья. Я хочу, чтобы все у него было хорошо, жаль только, что уже не со мной.

Я ложусь и заползаю под одеяло. Я хочу знать, что случилось и за что мне должно быть стыдно. Я отчаянно пытаюсь извлечь смысл из ускользающих обрывков памяти. Нет сомнения, что я была свидетелем какой-то ссоры. С Анной? Я провожу по волосам и трогаю ранку на губе. Вот-вот картинка ссоры всплывет в моей памяти, и я услышу, что говорят, но нет, все напрасно. Как только мне кажется, что я сейчас все вспомню, картинка снова расплывается и погружается во мрак.

Меган

Вторник, 2 октября 2012 года

Утро

Скоро пойдет дождь, я чувствую его приближение. Я замерзла, и стук зубов отдается в голове; пальцы побелели, а кончики даже посинели. Но я не собираюсь уходить в дом. Мне здесь нравится, это как очищение, как ледяная купель. Все равно скоро придет Скотт, затащит в дом и укутает, как ребенка, в одеяла.

Вчера вечером по дороге домой со мной случился приступ паники. Там был мотоциклист, который то и дело газовал, заставляя двигатель отзываться ревом, вдоль тротуара медленно ехала какая-то красная машина, как будто водитель искал проститутку, а дорогу мне перекрывали две женщины с колясками. Я не могла пройти мимо них по тротуару, шагнула на проезжую часть и чудом не угодила под колеса машины, ехавшей в противоположном направлении, которой я даже не видела. Водитель нажал на клаксон и что-то мне крикнул. Я не могла отдышаться, сердце колотилось как бешеное, в животе образовался комок, как бывает после принятия рвотного, когда всплеск адреналина заставляет чувствовать одновременно и боль, и возбуждение, и страх.

Я бросилась к дому, промчалась через него и выскочила к путям, где опустилась на землю и стала ждать поезда, чей грохот заглушит все остальные звуки. Мне хотелось, чтобы появился Скотт и успокоил меня, но его не было дома. Я пыталась перелезть через забор и немного посидеть с другой стороны, где никто не ходит, но порезала руку и была вынуждена вернуться домой. А потом пришел Скотт и спросил, что случилось. Я ответила, что мыла посуду

и разбила стакан. Он не поверил и очень расстроился.

Вчера ночью, когда Скотт спал, я потихоньку выскользнула из постели и пробралась на террасу. Я набрала номер и, когда он взял трубку, слушала его голос: он говорил сначала тихо со сна, потом громче, потом с тревогой и раздражением. Я нажала отбой и стала ждать, будет ли он перезванивать. Я не стала блокировать свой номер, так что он наверняка высветился, и мне казалось, что он может перезвонить. Но он не перезвонил, поэтому я позвонила еще раз, а потом еще и еще. Вызов переключился на голосовую почту: своим мягким голосом он деловито обещал перезвонить при первой возможности. Я хотела позвонить ему в офис и перенести свой следующий сеанс, но сообразила, что вряд ли их автоматизированная система работает по ночам, поэтому вернулась в постель. Ночью я не сомкнула глаз.

Утром я смогу поехать в Корли-Вуд и сделать несколько фотографий. Утро будет туманным, темным и с настроением, так что должно получиться хорошо. Я подумала, что, может, стоит сделать маленькие карточки и попробовать продать их в сувенирной лавке на Кингли-роуд. Скотт продолжает говорить, что мне не нужно беспокоиться о работе, что я должна просто отдохнуть. Словно я какой-то инвалид! Если мне что и нужно, так точно не отдых. Мне нужно найти себе какое-то занятие, чтобы заполнить дни. Я знаю, чем все закончится, если этого не произойдет.

Вечер

На сеансе, который состоялся во второй половине дня, доктор Абдик – Камаль, как он позволил мне его называть, – предложил мне попробовать вести дневник. Я чуть было не сказала, что это невозможно, потому что я боюсь, что муж станет его читать. Я не сказала, потому что это было бы очень некрасиво по отношению к Скотту. Но это правда. Я никогда не могла записывать свои чувства, мысли и поступки. Вот один пример почему: когда я вернулась сегодня вечером домой, мой ноутбук был теплый. Он знает, как удалять историю браузера и все такое, умеет отлично скрывать свои следы, но я точно знаю, что выключала компьютер перед уходом. Он снова читал мою электронную почту.

Вообще-то меня это не смущает, поскольку там нет ничего такого. (Спам от компаний, занимающихся трудоустройством, и письмо от Дженни с занятий

пилатесом, в котором она предлагает составить ей компанию в кулинарном клубе, члены которого по очереди кормят друг друга ужином по четвергам. Да я скорее умру.) Меня это не смущает, потому что это придает ему уверенности во мне, в том, что у меня нет никаких таких мыслей. И это хорошо для меня – хорошо для нас, – даже если это неправда. И я не могу на него сердиться, потому что основания постоянно быть настороже у него имеются. Я уже давала ему повод ревновать, и, наверное, не в последний раз. Я не образцовая жена. Просто не могу ею быть. Как бы сильно я его ни любила, мне все равно будет его мало.

Суббота, 13 октября 2012 года

Утро

Вчера ночью я проспала пять часов, чего со мной не случилось уже очень давно. Самое удивительное, что я пришла домой настолько на взводе, что ни секунды не сомневалась: буду долгие часы слоняться по дому, не в силах найти себе место и успокоиться. Я говорила себе, что это больше не повторится, особенно после того раза, но когда я его увидела и захотела, я подумала: а почему нет? Я не понимаю, почему должна себя ограничивать, ведь многие люди себе это позволяют. Мужчины, например. Не хочу никого обидеть, но разве не стоит быть честной хотя бы с самой собой? А я хочу быть такой, какая есть на самом деле и какой меня никто не знает – ни Скотт, ни Камаль, вообще никто.

После занятий пилатесом вчера вечером я спросила у Тары, не хочет ли она сходить со мной в кино на будущей неделе, а потом попросила прикрыть меня.

– Если он позвонит, можешь ему сказать, что я с тобой, просто отошла в туалет и сразу ему перезвоню? Потом ты звонишь мне, я ему перезваниваю, и все довольны.

Она улыбнулась, пожала плечами и согласилась:

– Хорошо.

Она даже не поинтересовалась, куда я иду и с кем. Она действительно хочет быть моей подругой.

Я встретила его в гостинице «Лебедь» в Корли, где он снял для нас номер. Мы должны быть осторожны, мы не можем попасться. Для него это было бы крушением всех надежд. И для меня стало бы настоящей катастрофой. Я даже не хочу думать, как поведет себя Скотт.

Он хотел потом поговорить со мной о событиях, случившихся в моей юности в Норвиче. Я вскользь уже упоминала о них, но вчера он хотел знать подробности. Я много чего ему наговорила, но только не правду. Я лгала, выдумывала, рассказывала всякие мерзости, которые он хотел услышать. Было забавно. Мне не стыдно врать. К тому же он вряд ли поверил всему. И я не сомневаюсь, что он тоже врет.

Он лежал на кровати и смотрел, как я одеваюсь. А потом сказал:

– Это больше не должно повториться, Меган. Ты сама это знаешь. Мы должны это прекратить.

И он был прав. Я знаю, что мы должны прекратить. Мы не должны продолжать, но наверняка будем. И сегодня не последний раз. Он не сможет мне отказать. Я думала об этом по дороге домой, и мне это нравится больше всего – чувствовать свою власть над другим человеком. Это самое пьянящее чувство.

Вечер

Я открываю на кухне бутылку вина, сзади подходит Скотт, кладет мне руки на плечи и спрашивает:

– Как прошел сеанс с психотерапевтом?

Я отвечаю, что все хорошо и есть прогресс. Он уже привык, что в детали я не вдаюсь. И вдруг он задает еще один вопрос:

– Хорошо вчера повеселились с Тарой?

Я сижу к нему спиной и не знаю, спрашивает он просто так или что-то подозревает. По голосу это понять невозможно.

- Она замечательная, - отвечаю я. - Вы наверняка понравитесь друг другу. Вообще-то на следующей неделе мы собираемся в кино. Может, я потом привезу ее к нам поужинать?

- А меня в кино вы не хотите пригласить? - спрашивает он.

- Всегда пожалуйста, - отвечаю я, поворачиваюсь к нему и целую в губы, - но она хочет посмотреть фильм с Сандрой Баллок, так что...

- Ни слова больше! Привози ее тогда после сеанса, - говорит он и, взяв меня за талию, слегка прижимает к себе.

Я наливаю вина, и мы выходим на улицу. Мы сидим перед лужайкой, касаясь травы пальцами ног.

- Она замужем? - спрашивает он.

- Тара? Нет. Одна.

- И бойфренда нет?

- Похоже, что нет.

- Неужели, подружка? - изумляется он, подняв брови, и я смеюсь в ответ. - Сколько же ей тогда лет?

- Думаю, около сорока.

- Понятно. И одна. Печально.

- На тебя всегда клюют одинокие, верно? Для них ты просто неотразим.

– Думаешь? Тогда, наверное, и детей у нее тоже нет? – спрашивает он, помолчав.

Может, мне это только кажется, но каждый раз, когда речь заходит о детях, я слышу в его голосе напряжение. Я чувствую, что мы можем поругаться, и не хочу этого, поэтому поднимаюсь и прошу его захватить бокалы, ведь мы идем в спальню.

Он идет за мной, и я, поднимаясь по лестнице, начинаю сбрасывать с себя одежду, а когда мы оказываемся в спальне и он опрокидывает меня на кровать, я даже не думаю о нем, но это не важно, потому что он об этом не знает. Я достаточно опытна, чтобы заставить его поверить, что думаю только о нем.

Рейчел

Понедельник, 15 июля 2013 года

Утро

Когда я утром выходила из дома, Кэти окликнула меня и чуть приобняла. Я надеялась, она скажет, что решила все-таки меня не выгонять, но Кэти лишь сунула мне в руку напечатанное на принтере официальное уведомление о выселении с указанием даты. Взгляд она при этом отводила. Мне стало ее жалко, честно, но не так, как саму себя. Кэти виновато улыбнулась и сказала:

– Мне ужасно неудобно так с тобой поступать, Рейчел. Поверь, пожалуйста.

Нам обеим было крайне неловко. Мы стояли в коридоре, в котором, несмотря на все мои усилия с хлоркой, по-прежнему сохранялся неприятный запах. К глазам подступили слезы, но мне не хотелось, чтобы она чувствовала себя еще хуже, чем сейчас, поэтому я просто ободряюще улыбнулась ей и сказала:

– Никаких проблем, не переживай, – как будто она просто попросила меня сделать для нее какую-то мелочь.

В поезде я даю слезам волю, и мне плевать, что на меня смотрят. Откуда им знать, что со мной? Может, у меня собачка попала под машину. Или мне только

что поставили смертельный диагноз. Или я бесплодна, разведена и скоро стану бездомной алкоголичкой.

Меня не может не поражать все, что со мной произошло. Как я дошла до такой жизни? С какого момента началось мое падение? Я спрашиваю себя: когда я могла это остановить, когда совершила ошибку? Во всяком случае, не тогда, когда встретила Тома, который спас меня от отчаяния после смерти папы.

И не тогда, когда мы поженились в необычно холодный майский день семь лет назад. Мы были такими беззаботными и буквально купались в блаженстве. Я была счастлива, состоятельна и успешна. И не тогда мы переехали в дом номер двадцать три, который оказался гораздо больше и красивее, чем в моих самых смелых мечтах о доме, в котором я буду жить в нежном возрасте двадцати шести лет. Я очень ясно помню те первые дни, как ходила босиком, чувствуя тепло деревянного пола, наслаждаясь простором, пустотой всех этих комнат, ожидавших заполнения. Мы с Томом строили планы: что посадим в саду, что повесим на стенах, в какой цвет покрасим комнату для гостей, – и уже тогда я представляла, что там будет детская.

Наверное, тогда все и началось. И переломным стал момент, когда я перестала считать нас парой, решив, что мы семья. После этого в моем представлении о полном счастье нас двоих уже не могло быть достаточно. Может, Том начал смотреть на меня по-другому именно тогда и его разочарование было отражением моего? После всего, что он для меня сделал, связав свою жизнь с моей, я дала ему почувствовать, что его одного мне мало.

Я позволила себе проплакать до Норткуота, потом взяла себя в руки, вытерла глаза и начала писать список того, что нужно сделать, на обороте врученного мне Кэти уведомления о выселении:

Библиотека «Холборн».

Отправить электронное письмо маме.

Отправить электронное письмо Мартину с просьбой о рекомендации (???)

Узнать о встречах анонимных алкоголиков в центральном Лондоне/Эшбери.

Рассказать Кэти о работе (?).

Когда электричка останавливается на семафоре, я поднимаю глаза и вижу Джейсона – он стоит на террасе и смотрит в нашу сторону. Мне кажется, что его взгляд устремлен прямо на меня, и меня не покидает странное чувство, будто так уже было и он действительно меня уже видел. Я представляю, как он улыбается мне, и почему-то испытываю страх.

Он отворачивается, и поезд трогается.

Вечер

Я сижу в приемном отделении «Скорой помощи» больницы при Университетском колледже. Меня сбilo такси, когда я переходила Грейс-Инн-роуд. Хочу сразу подчеркнуть, что я была абсолютно трезвой, правда, не очень в себе – расстроена, если не сказать на грани отчаяния. Над правым глазом у меня шрам длиной с дюйм – швы мне наложил на редкость красивый врач-стажер, – к сожалению, он сама деловитость и держится соответствующе. Закончив со швами, он замечает шишку у меня на голове.

– Она уже была, – объясняю я.

– Выглядит свежей, – возражает он.

– Сегодня уже нет.

– С кем-то воевали?

– Стукнулась, когда садилась в машину.

Он внимательно осматривает мою голову и интересуется:

– В самом деле? – Делает шаг назад и смотрит мне прямо в глаза. – А выглядит так, как будто вас кто-то ударил, – говорит он, и я чувствую, что холодею.

Я помню, как отшатнулась, чтобы избежать удара, и закрылась руками. Неужели так и было? Врач снова подходит ближе и разглядывает рану.

- Удар нанесен чем-то острым, не исключено, что с зазубринами...

- Да нет же, - стою на своем я, - это автомобиль. Я стукнулась, когда садилась в машину.

Я пытаюсь убедить не столько его, сколько себя.

- Ладно, - улыбается он, снова отходит назад и немного наклоняется, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. - С вами все в порядке... - он сверяется с записями, - Рейчел?

- Да.

Он долго смотрит на меня. Он мне не верит. Он обеспокоен. Наверное, считает, что меня избил муж.

- Хорошо. Я промою рану, потому что она выглядит ужасно. Может, мне стоит позвонить кому-то? Вашему мужу?

- Я разведена, - сообщаю я ему.

- Тогда кому-то еще? - Его не волнует, что я разведена.

- Подруге, пожалуйста. Она будет за меня волноваться.

Я называю ему имя Кэти и даю номер ее телефона. Кэти точно не будет волноваться, тем более что мне еще рано быть дома, но, возможно, известие о том, что меня сбила машина, заставит ее сжалиться и простить за вчерашнее. Она, наверное, решит, что я угодила под колеса, потому что была пьяна. Интересно, а можно попросить врача сделать анализ крови или что-то еще, чтобы я могла представить ей доказательство своей трезвости? Я улыбаюсь ему, но он не смотрит на меня, а что-то пишет. В любом случае это глупая мысль.

В случившемся виновата только я, таксист тут совершенно ни при чем. Я шагнула, вернее, бросилась на проезжую часть прямо перед машиной. Я понятия не имею, куда именно решила вдруг бежать. Наверное, я вообще ничего не решала, во всяком случае, думала точно не о себе. Все мои мысли были о Джесс. Которая оказалась никакой не Джесс, а Меган Хипвелл. И которая пропала.

Я была в библиотеке на Теобальдс-роуд, послала маме письмо по электронной почте со своего ящика на «Йеху» (в нем я не написала ничего важного, хотела просто прозондировать почву на предмет материнских чувств). На первой странице этого поисковика размещены новости, они же высвечиваются на странице почтового ящика – я понятия не имею, откуда им известен мой адрес, но факт остается фактом. И там была ее фотография – фотография Джесс, моей Джесс, той самой идеальной блондинки, а рядом заголовок «ПРОПАЛА ЖЕНЩИНА».

Сначала я не была уверена. Девушка на фотографии была похожа, вернее, выглядела в точности так, как я себе ее представляла, но я тем не менее сомневалась. А потом прочитала заметку, увидела название улицы, и всякие сомнения отпали.

Полиция Бакингемшира обеспокоена судьбой пропавшей Меган Хипвелл двадцати девяти лет, проживавшей на Бленхайм-роуд, Уитни. Муж миссис Хипвелл Скотт Хипвелл в последний раз видел свою жену в субботу вечером, когда она ушла из дома в гости к подруге около семи часов. По словам мистера Хипвелла, «на нее это совершенно не похоже». Миссис Хипвелл – худощавая блондинка с голубыми глазами, рост пять футов четыре дюйма, была одета в джинсы и красную футболку. Всех, кто располагает какой-либо информацией о миссис Хипвелл, просим связаться с полицией графства.

Она пропала. Джесс пропала. Меган пропала. Ее нет с субботы. Я искала в «Гугле» – заметка о ней появилась в «Уитни-Аргус», но без подробностей. Я подумала о Джейсоне, вернее Скотте: как он утром стоял на террасе, смотрел на меня и улыбался. Схватив сумку, я бросилась из библиотеки и выскочила на проезжую часть, где как раз проезжало такси.

– Рейчел! Рейчел! – Симпатичный врач пытался привлечь мое внимание. – Приехала ваша подруга, чтобы забрать вас.

Меган

Четверг, 10 января 2013 года

Утро

Иногда мне не хочется никуда идти и кажется, что я буду счастлива, если никогда больше не переступлю порог дома. Я даже не скучаю по работе. Я просто хочу остаться в безопасности и тепле своего убежища вместе со Скоттом, и чтобы никто этому не мешал.

Хорошо, что сейчас темно, холодно и погода отвратительная. Хорошо, что уже несколько недель идет дождь – холодный и противный, с резкими порывами ветра. Под их напором деревья раскачиваются с громким стоном, заглушающим шум поезда. Я не слышу искушающего стука колес по рельсам, манящего меня пуститься в путь, не важно куда.

Сегодня мне не хочется никуда идти, не хочется сбежать, не хочется даже пройтись по улице. Я хочу остаться здесь, в укрытии, со своим мужем, смотреть телевизор и есть мороженое. Я попрошу его прийти с работы пораньше, чтобы мы могли заняться сексом днем.

Конечно, потом мне все равно придется выйти, потому что сегодня день моего сеанса с Камалем. В последнее время я говорила с ним о Скотте, обо всем, что делала не так, и о том, какая я плохая жена. Камаль говорит, что мне надо найти способ сделать себя счастливой, я должна перестать искать счастья в другом месте. Это правда, так оно и есть, я это знаю, но потом вдруг на меня что-то накатывает, и я думаю: какого черта, ведь жизнь так коротка!

Я вспоминаю, как в школьные пасхальные каникулы наша семья отправилась на отдых на итальянский курорт Санта-Маргерита. Мне только что исполнилось пятнадцать, я встретила на пляже мужчину намного старше себя – ему было за тридцать, может, даже за сорок, – и он пригласил меня покататься на яхте на следующий день. Со мной был мой брат Бен, и он тоже получил приглашение,

но – вечный старший брат-защитник – был категорически против, потому что не доверял этому человеку и считал его мерзким сластолюбцем. Кем тот наверняка и был. Но я ужасно разозлилась: когда еще у нас будет возможность покататься на чужой яхте по Лигурийскому морю? Бен заверил меня, что таких возможностей у нас будет миллион, поскольку жизнь наша будет полна приключений. Мы не воспользовались тем приглашением, а летом Бен не справился с управлением на мотоцикле, и нам так и не довелось походить под парусом.

Я очень тоскую по тем временам, когда мы с Беном были вместе. Нас ничто не пугало.

Я все рассказала Камалю о Бене, и теперь мы подбирались к самому главному, к настоящей причине, к тому, что случилось при Маке, до и после него. С Камалем я могу ничего не утаивать – он никому ничего не расскажет, потому что связан врачебной тайной.

Но даже если бы он и мог рассказать, не думаю, чтобы он это сделал. Я доверяю ему, это действительно так. Удивительно, но до сих пор я не рассказала ему все вовсе не из страха, что он распорядится этой информацией как-то не так или станет относиться ко мне хуже, а из-за Скотта. Мне кажется, что если я расскажу Камалю то, чего не могу рассказать Скотту, это будет сродни предательству. По сравнению со всеми грехами, которые лежат на моей совести, это может показаться мелочью, но на самом деле все не так. Причина в том, что это уже реальная жизнь, самая моя суть, и я скрываю ее от него.

Я по-прежнему рассказываю не все, потому что всего рассказать не могу. Я понимаю, что именно в этом и заключается смысл терапии, но все равно не могу. Мне приходится говорить уклончиво, смешивать в одну кучу всех мужчин, которые у меня были, но я говорю себе, что это нормально, потому что не имеет значения, кто они. Важно только то, какие чувства они во мне вызывали. Подавленность, беспокойство, голод. Почему я не могу просто получить то, что хочу? Почему они не могут дать мне это?

Впрочем, иногда дают. Иногда Скотт – это все, что мне нужно. Если я сумею научиться удерживать это чувство, удерживать то, что чувствую сейчас, если сумею наслаждаться конкретным моментом, не думая, когда он наступит в следующий раз, все у меня будет в порядке.

Вечер

Я должна следить за собой на сеансах с Камалем. Когда он смотрит на меня своими львиными глазами, закидывает ногу на ногу и обхватывает колено скрещенными пальцами, трудно не разоткровенничаться. Трудно не думать о том, чем мы могли бы заняться вместе.

Мне приходится прилагать усилия, чтобы сосредоточиться. Мы говорили о том, что случилось после похорон Бена, когда я убежала из дома. Какое-то время я провела в Ипсвиче, но была там недолго. Там я встретила Мака. Он работал в пабе или где-то вроде того. Он подобрал меня на пути домой. Ему стало меня жалко.

– Он даже не хотел... ну, ты понимаешь. – Я рассмеялась. – Мы приехали к нему в квартиру, и я попросила денег, а он посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Я сказала, что мне уже достаточно лет, но он не поверил. И ждал, действительно ждал, когда мне исполнится шестнадцать. К тому времени он переехал в свой старый дом в Холкхэме. Дом был старинный, каменный и стоял в полумиле от моря в конце дороги, ведущей в никуда. С одной стороны небольших земельных владений Мака проходили железнодорожные пути. Ночью я лежала в полудреме – я тогда часто была под кайфом, поскольку мы много курили травку, – и мне казалось, что я слышу шум поезда. Ощущение было настолько реальным, что я вставала и выходила посмотреть на огни проходящего состава.

Камаль слегка меняет позу в кресле и медленно кивает. Он ничего не говорит. Это значит, что мне надо продолжать, и я рассказываю дальше:

– Я была по-настоящему счастлива с Маком. Мы с ним прожили... Господи, наверное, года три в общей сложности. Мне было девятнадцать, когда я уехала. Да. Девятнадцать.

– А почему ты уехала, если была счастлива? – спрашивает он.

Вот мы уже почти и подоברались к сути, причем гораздо быстрее, чем я рассчитывала. У меня не было времени ничего придумать, а рассказать все я не могу. Еще не готова.

– Мак бросил меня. И разбил мне сердце, – отвечаю я, и это правда, но в то же время и ложь.

Я еще не готова рассказать всю правду.

Когда я возвращаюсь, Скотта нет дома, и тогда я достаю ноутбук и ввожу в поисковую строку полное имя и фамилию Мака. Впервые за все время. Впервые за десять лет я ищу Мака. Но найти его не получается. В мире живут сотни Крейгов Маккензи, но ни один из них не похож на нужного мне.

Пятница, 8 февраля 2013 года

Утро

Я иду по лесу. Я вышла из дома еще до рассвета, а сейчас начинает светать. Вокруг стоит мертвая тишина, которую изредка нарушают крики сорок, прячущихся в кронах деревьев. Я чувствую на себе оценивающий взгляд их глазбусинок. Их тут полно. Первый – печальный, второй – смешной, третий – девчачий, четвертый – мальчишечий, пятый – серебряный, шестой – золотой, седьмой – секретный и потайной.

А секретов и тайн у меня хватает.

Скотт уехал на курсы куда-то в Сассекс. Он уехал вчера утром и должен вернуться только сегодня вечером. Я могу делать все, что хочу.

Накануне отъезда я ему сказала, что после посещения психотерапевта собираюсь сходить с Тарой в кино и выключу там мобильник. С Тарой я тоже поговорила и предупредила, что он может позвонить с проверкой. На этот раз она поинтересовалась, чем это таким я занята. В ответ я просто подмигнула и улыбнулась, и она рассмеялась. Думаю, что ей, наверное, одиноко, и небольшая тайна может внести в ее жизнь хоть какое-то разнообразие.

На сеансе с Камалем мы говорили о Скотте и об инциденте с ноутбуком. Это произошло около недели назад. Я искала Мака – делала разные запросы, просто хотела узнать, где он и чем занимается. В наши дни в Интернете можно

найти фотографию практически любого человека, и мне хотелось увидеть его лицо. Но я его не нашла. Той ночью я отправилась спать раньше обычного. Скотт остался смотреть телевизор, и я забыла удалить историю браузера. Глупая ошибка – обычно это последнее, что я делаю перед тем, как закрыть крышку ноутбука, независимо от того, что искала. Я знаю, что, поскольку Скотт технарь, он, если захочет, все равно найдет способ выяснить, что именно я смотрела в Интернете, но это займет гораздо больше времени, так что обычно он не заморачивается.

Как бы то ни было, я забыла. А на следующий день разразился скандал. Причем жуткий. Он хотел знать, кто такой Крейг, сколько времени мы с ним встречались, где познакомились и что такое он мне дает, чего я не могу получить от Скотта. По глупости я сказала Скотту, что он мой друг из прошлого, чем только подлила масла в огонь. Камаль спросил, боюсь ли я Скотта, и этот вопрос меня буквально взбесил.

– Он мой муж! – огрызнулась я. – Разумеется, я его не боюсь!

Камаль явно не ожидал, что я отреагирую столь резко. Я сама была в шоке. Я понятия не имела, что могу так разозлиться и насколько готова защищать Скотта. Для меня это явилось полным откровением.

– Боюсь, что многие женщины боятся своих мужей, Меган.

Я пыталась что-то возразить, но он поднял руку, останавливая меня:

– Поведение, о котором ты рассказываешь – чтение писем, отслеживание запросов в браузере, – ты описываешь как вполне заурядную вещь, будто это нормально. А это не так, Меган. Вторгаться в чью-то частную жизнь до такой степени не является нормальным. Очень часто подобное считается формой эмоционального насилия.

Я засмеялась, потому что это звучало слишком уж мелодраматично.

– Это не насилие, – возразила я. – Во всяком случае, если это не напрягает. А меня точно не напрягает.

Он печально улыбнулся и спросил:

– А ты не считаешь, что должно напрягать? Я пожала плечами:

– Возможно, но в моем случае этого нет. Он ревнив, и он собственник. Он просто такой. Это не мешает мне его любить, и есть вещи, с которыми бороться бессмысленно. Я осторожна. Как правило. И умею замечать следы, так что обычно это не создает проблем.

Он едва заметно покачал головой.

– Не думала, что в твои задачи входит давать оценку моим представлениям, – сказала я.

Когда сеанс закончился, я спросила, не хочет ли он со мной выпить. Он сказал, что нет, что не может, что это было бы неправильно. Тогда я проследила его до дома. Он живет в квартире через дорогу от места своей работы. Я постучала в дверь и, когда он открыл, заинтересовалась:

– А так – правильно?

Потом обняла его рукой за шею, притянула к себе и, встав на цыпочки, поцеловала в губы.

– Меган, – произнес он своим бархатным голосом, – не надо. Я не могу. Не надо.

Это было восхитительно: напор и сопротивление, желание и сдержанность. Я не хотела отпускать это чувство, мне так хотелось продлить наслаждение.

Я встала рано утром, голова кружилась от множества мыслей. Я не могла, проснувшись, просто лежать в одиночестве и перебирала в уме разные варианты того, чем мне хотелось бы заняться, после чего оделась и вышла. И вот теперь я здесь. Я ходила и прокручивала случившееся в голове – он сказал, она сказала, искушение, разрядка. Если бы только мне удалось на чем-то успокоиться и держаться за это, а не крутиться вокруг. А что, если я так и не найду того, что ищу? Если это просто невозможно?

Мне холодно дышать, кончики пальцев посинели. И все же я чувствую желание прилечь прямо тут, среди листьев, и позволить холоду взять свое. Но не могу. Пора домой.

Я возвращаюсь на Бленхайм-роуд около девяти, поворачиваю за угол и вижу, что навстречу мне идет с коляской она. Ребенок в кои-то веки молчит. Она смотрит на меня, кивает и изображает улыбку, я не улыбаюсь в ответ. При обычных обстоятельствах я бы постаралась выглядеть приветливой, но сегодня чувствую себя настоящей, такой, какая есть на самом деле. Я чувствую себя окрыленной, совсем как во время путешествия, и не смогла бы изобразить любезность, даже если бы попыталась.

День

Днем я уснула. И проснулась вся в поту, ощущая страх. И вину. Я ужасно виновата. Виновата так, что не заслуживаю прощения.

Я вспомнила о том, как он уходил среди ночи, сказав на прощание, что это было в последний раз, в самый последний, и больше никогда не повторится. Он одевался и натягивал джинсы. Я лежала на кровати и смеялась, потому что то же самое он говорил в прошлый раз, и в позапрошлый, и в позапозапрошлый. Он пристально посмотрел на меня. Я не знаю, как описать то, что было в этом взгляде, – не гнев, точно не презрение – в нем было предупреждение.

Мне не по себе. Я слоняюсь по дому и не нахожу себе места, у меня такое чувство, будто в нем кто-то побывал, пока я спала. Все лежит на своих местах, но в доме что-то изменилось, как будто вещи трогали и чуть сдвинули, и меня не покидает чувство, что в доме есть кто-то еще, только он никак не попадет в поле моего зрения. Я трижды проверила стеклянные двери в сад – они были закрыты. Не могу дождаться, когда вернется Скотт. Он мне нужен.

Рейчел

Вторник, 16 июля 2013 года

Утро

Я в электричке, отправляющейся в 8.04, но еду не в Лондон. Моя цель – Уитни. Надеюсь, что посещение этого места освежит мою память, что я окажусь на станции, увижу ее заново и все вспомню. Особых иллюзий я не питаю, но ничего другого мне в голову не приходит. Позвонить Тому я не могу. Мне слишком стыдно, и к тому же он ясно дал понять, что больше не хочет иметь со мной ничего общего.

Меган так и не нашлась. Ее нет уже больше шестидесяти часов, и ее исчезновение стало новостью национального масштаба. Сегодня утром она появилась на сайтах Би-би-си и «Дейли мейл», о ней говорилось и на других сайтах тоже.

Я распечатала заметки Би-би-си и «Дейли мейл» и взяла их с собой. Из них я узнала следующее.

Меган и Скотт в субботу вечером поссорились. Сосед слышал, как они громко ругались. Скотт признался, что у них был скандал, и думал, что жена ушла переночевать к подруге Таре Эпстайн, которая живет в Корли.

До дома Тары Меган не добралась. Тара сообщила, что в последний раз видела Меган в пятницу на занятиях пилатесом. По словам Тары, «она выглядела нормально, рассказывала, что хотела отметить свое тридцатилетие в будущем месяце как-то по-особенному».

В субботу вечером один свидетель видел, как Меган около семи пятнадцати направлялась на железнодорожную станцию Уитни.

У Меган в округе нет никаких родственников. И мать, и отец ее умерли.

Меган не работает. Раньше она управляла небольшой художественной галереей в Уитни, но в апреле галерея закрылась. (Я знала, что Меган связана с искусством.)

Скотт работает частным консультантом по информационным технологиям. (Я не могу поверить, что Скотт работает чертовым консультантом!)

Меган и Скотт женаты три года и живут в доме на Бленхайм-роуд с января 2012 года.

Согласно «Дейли мейл», стоимость их дома оценивается в четыреста тысяч фунтов стерлингов.

Прочитав все это, я поняла, что дела Скотта плохи. И даже не потому, что они поссорились. Просто если с женщиной происходит что-то нехорошее, то первым делом полиция подозревает мужа или любовника. Однако в данном случае полиция не располагает всеми фактами. И поскольку ничего не знает о любовнике, то, видимо, считает мужа единственным подозреваемым.

Не исключено, что я – единственный человек, которому известно о существовании любовника.

Я покопалась в сумке в поисках листка бумаги. На обратной стороне чека от покупки двух бутылок вина я составила список возможных объяснений исчезновения Меган Хипвелл:

1. Она сбежала с любовником, который дальше у меня будет значиться как «В».
2. «В» сделал с ней что-то плохое.
3. Скотт сделал с ней что-то плохое.
4. Она просто сбежала от мужа, чтобы не быть с ним вместе.
5. Что-то плохое с ней сделал не «В», не Скотт, а кто-то другой.

Первый пункт представляется мне самым вероятным, но и четвертый вполне реальный вариант, потому что Меган независимая и своенравная женщина. В этом у меня нет сомнений. А если у нее был роман, то она запросто могла уехать, чтобы разобраться в себе, разве не так? Пункт пять кажется мне маловероятным, поскольку убийства редко совершаются незнакомцами.

Шишка на голове продолжает напоминать о себе ноющей болью, и я не могу не думать о ссоре, которую видела или которая привиделась мне в субботу вечером. Проходя мимо дома Меган и Скотта, я бросаю на него взгляд. Я слышу, как в висках стучит кровь. Чувствую прилив адреналина. Мне страшно. Окна дома, отражающие утренний свет, похожи на слепые глаза.

Вечер

Я устраиваюсь на сиденье, когда раздается звонок телефона. Это Кэти. Я не отвечаю и жду, когда звонок будет переадресован на голосовую почту.

Она оставляет сообщение:

«Привет, Рейчел, просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке. – Она переживает за меня после инцидента с такси. – Я хотела сказать, что мне очень жаль, ну, насчет того дня, когда я велела тебе освободить комнату. Я была не права. Погорячилась. Ты можешь жить, сколько захочешь. – Она долго молчит, а потом добавляет: – Позвони мне, ладно? И приходи сразу домой, Рейч, не заходи в паб».

Я и не собиралась. Мне ужасно хотелось выпить в обед после того, что случилось утром в Уитни. Однако я не стала пить, потому что хотела сохранить ясную голову. Уже давно мне не хотелось ради чего-то сохранять ясность головы.

Утреннее посещение Уитни меня сильно удивило. Казалось, что я не была там целую вечность, хотя прошло всего несколько дней. Как будто тогда я находилась в абсолютно другом месте, на другой станции и в другом городе. Сейчас я не была похожа на ту Рейчел, что вышла на станции в субботу вечером. Сейчас я была абсолютно трезвой и чутко улавливала все нюансы, желая разгадать тайну и в то же время страшась возможной разгадки.

Я вторглась на чужую территорию. Я чувствовала именно это, потому что теперь это место принадлежит Тому и Анне, Скотту и Меган. Я тут чужая, тут нет ничего моего, и в то же время все тут так знакомо. Сначала вниз по бетонным ступенькам на станции, потом мимо газетного киоска выйти на Роузберри-авеню, через полквартала дойти до конца Т-образного перекрестка, затем свернуть направо под арку в сырой подземный переход, и слева окажется Бленхайм-роуд,

узкая и тенистая, с красивыми викторианскими террасами по обеим сторонам. Я словно возвращалась домой – и не просто в теперешний свой дом, а туда, где выросла и откуда уехала целую вечность назад. Тут все знакомо до мелочей, тут точно знаешь, какая ступенька на лестнице обязательно скрипнет.

Тут все мне знакомо не только благодаря рассудку, этим знанием пропитаны моя кровь и плоть. Сегодня утром, когда я шла по темному тоннелю подземного перехода, мой шаг невольно ускорился. Это произошло подсознательно, потому что я всегда старалась пройти тут как можно быстрее. Каждый вечер, возвращаясь домой, особенно в зимнее время, я торопилась миновать это место, бросая быстрые взгляды вправо, чтобы убедиться, что там никого нет. Там никогда никого не было – ни в те вечера, ни сегодня, – и все же утром я невольно остановилась и стала вглядываться в темноту, потому что вдруг увидела себя. Я видела, как сижу, прислонившись к стене и обхватив голову руками. На голове и руках кровь.

Я замерла на месте: сердце бешено колотится в груди, спешащие на электричку пассажиры обходят меня. Некоторые оборачиваются посмотреть, что со мной. Я не знала – не знаю, – было ли это на самом деле. Зачем я пошла в подземный переход? Что мне было делать в темном и сыром тоннеле, пропахшем мочой?

Я повернулась и направилась обратно на станцию. Я не хотела тут больше оставаться, не хотела видеть дом Скотта и Меган. Мне хотелось поскорее унести оттуда ноги. Там случилось что-то ужасное, у меня нет в этом никаких сомнений.

Я купила билет и быстро направилась к лестнице, ведущей на другую платформу. И тут меня озарило, но на этот раз мне вспомнился не подземный переход, а ступеньки: я споткнулась и упала, а подняться мне помогал мужчина. Мой попутчик по электричке с рыжеватыми волосами. Я вспомнила его лицо, но не могла вспомнить, что он говорил. Я помню, как смеялась над собой или чем-то, что он сказал. Со мной он вел себя вполне пристойно, я уверена. Или почти уверена. Случилось что-то плохое, но не думаю, чтобы он имел к этому отношение.

Я села на электричку и вернулась в Лондон. Зашла в библиотеку, села за компьютер и стала искать публикации о Меган. В коротком сообщении на сайте «Дейли телеграф» говорилось, что «помощь в полицейском расследовании оказывает мужчина тридцати с небольшим лет». Наверное, Скотт. Я не верю, что он мог сделать с ней что-то плохое. Я знаю, что не мог.

Я видела их вместе, я знаю, какие у них отношения. В заметке указывался номер «горячей линии», по которому можно сообщить любую информацию, полезную для следствия. Я собираюсь позвонить по пути домой из телефона-автомата. Я расскажу им о «В» и о том, что видела.

Когда мы подъезжаем к Эшбери, мой телефон снова звонит. Это Кэти. Бедняжка, она действительно из-за меня переживает.

- Рейч? Ты в поезде? Едешь домой? - По ее голосу слышно, что она волнуется.

- Да, я еду, - отвечаю я. - Буду через пятнадцать минут.

- Тут пришли полицейские, Рейчел, - говорит она, и я чувствую, что холодею. - Они хотят поговорить с тобой.

Среда, 17 июля 2013 года

Утро

Меган так и не нашли, и я солгала полиции, причем не один раз.

Вчера вечером по дороге домой я ужасно нервничала. Пыталась успокоиться, убеждая себя, что они пришли выяснить насчет инцидента с такси, но в этом не было никакого смысла. Я разговаривала с полицией на месте происшествия, вина в котором была целиком моей. Значит, это как-то связано с субботним вечером. Наверное, я что-то сделала. Наверняка что-то ужасное, а теперь память блокирует воспоминания в качестве защитной реакции.

Я понимаю, что это маловероятно. Что такого я могла сделать? Отправиться на Бленхайм-роуд, напасть на Меган Хипвелл, спрятать где-то ее тело и забыть об этом? Звучит невероятно.

И такого просто не могло быть. Но я знаю, что в субботу что-то произошло. Я почувствовала это, заглянув в темный тоннель под железнодорожными путями, когда кровь застыла у меня в жилах.

Провалы в памяти случаются, но это не тот случай, когда толком не можешь вспомнить, как оказался дома после пирушки в клубе, или над чем все смеялись, болтая в пабе. Тут – полное забвение: из памяти вычеркнуты и не подлежат восстановлению целые часы.

Том принес мне книгу про это. Не очень романтичный поступок, но он устал по утрам выслушивать мои извинения за то, о чем я не имела ни малейшего представления. Мне кажется, он хотел, чтобы я поняла, какую боль мое поведение причиняет окружающим и на что я на самом деле способна. Книгу написал какой-то врач, но я не знаю, насколько ему можно верить: автор утверждал, что провалы в памяти связаны прежде всего не с желанием забыть, а с отсутствием самих воспоминаний как таковых. Согласно его теории, человек впадает в состояние, когда его мозг не сохраняет воспоминаний, за которые отвечает короткая память. И находясь в этой черной дыре, человек ведет себя не так, как в обычной жизни, поскольку реагирует на то, что сам считает последним событием, хотя в действительности он просто не помнит его и может не иметь о нем ни малейшего представления. Автор даже приводил поучительные примеры для выпивох, страдающих потерей памяти. Один парень из Нью-Джерси напился на вечеринке в честь Дня независимости 4 июля. Потом сел в машину, поехал по встречной полосе и столкнулся с микроавтобусом, который вез семь человек. Микроавтобус загорелся, и шесть человек погибли. С самим же пьяницей ничего не случилось. Обычно так и бывает. Он даже не помнил, как садился в машину.

В другом случае мужчина, на этот раз из Нью-Йорка, вышел из бара, приехал к дому, в котором вырос, зарезал там двух человек, снял с себя всю одежду, сел в машину, добрался до дома и лег спать. Утром проснулся с больной головой, пытаюсь сообразить, где его одежда и как он оказался дома. О том, что без всякой видимой причины зверски убил двух человек, он узнал только от приехавших за ним полицейских.

Как бы невероятно это ни звучало, но исключать такую возможность было нельзя, и, добравшись до дома, я уже почти не сомневалась, что каким-то образом причастна к исчезновению Меган.

Полицейские сидели на диване в гостиной: мужчина лет за сорок в штатском и еще один помоложе в форме и с прыщом на шее. Кэти стояла возле окна, нервно потирая руки. На ней не было лица. Полицейские встали. Тот, что в штатском – очень высокий и слегка сутулый, – пожал мне руку

и представился инспектором уголовной полиции Гаскиллом. Он назвал мне номер своего удостоверения, но я его не запомнила. Не могла сосредоточиться. Я едва дышала.

– В чем дело? – Я с ходу перешла в наступление. – Что-то случилось? С моей матерью? С Томом?

– Все хорошо, миссис Уотсон, нам просто нужно поговорить с вами о том, что вы делали в субботу вечером, – ответил Гаскилл.

Подобные слова часто слышишь в фильмах по телевизору, но не воспринимаешь их всерьез. Они хотят знать, что я делала в субботу вечером. Что же я делала в субботу вечером?

– Мне нужно присесть, – сказала я, и детектив жестом пригласил меня занять место на диване возле прыщавого полицейского.

Кэти переминалась с ноги ногу, покусывая нижнюю губу. Она ужасно нервничала.

– С вами все в порядке, миссис Уотсон? – поинтересовался Гаскилл, показывая на шов над моим глазом.

– Меня сбило такси, – ответила я. – Вчера вечером, в Лондоне. Я была в больнице. Можете проверить.

– Хорошо. – Он слегка кивнул. – Итак, как насчет вечера субботы?

– Я ездила в Уитни, – сообщила я, стараясь унять дрожь в голосе.

– Зачем?

Прыщавый достал блокнот и приготовился записывать.

– Я хотела повидаться с мужем.

– Господи, Рейчел! – воскликнула Кэти.

Детектив не обратил на нее внимания.

– С вашим мужем? – переспросил он. – Вы хотите сказать, с бывшим мужем?
С Томом Уотсоном?

Да, я по-прежнему ношу его фамилию. Так проще. Не надо менять кредитки, электронный адрес, получать новый паспорт и все такое.

– Да, с ним. Я хотела поговорить с ним, но потом передумала и вернулась домой.

– В какое время это было? – поинтересовался Гаскилл все тем же ровным тоном.

По его лицу ничего нельзя было понять. Он говорил, едва шевеля губами. Я слышала, как второй полицейский что-то записывает и как громко стучит в ушах кровь.

– Это было... хм... думаю, где-то в полседьмого. Мне кажется, я села на поезд около шести.

– И вернулись домой?..

– Может, в половине восьмого?

Я перехватила взгляд Кэти и по выражению ее лица поняла: она знает, что это неправда.

– Может, чуть позже, ближе к восьми. Вообще-то я припоминаю... что вернулась сразу после восьми.

Я чувствовала, как становлюсь пунцовой – если этот человек не понял, что я вру, ему нечего делать в полиции.

Детектив обернулся, вытащил из-за стола стул и придвинул к себе решительным жестом. Затем поставил его прямо передо мной всего в паре футов. Сел, сложил

руки на коленях и склонил голову набок.

– Хорошо, – сказал он. – Значит, вы уехали около шести, в смысле оказались в Уитни в полседьмого. И вернулись сюда около восьми, значит, должны были уехать из Уитни около семи тридцати. Примерно так?

– Да, похоже на то, – подтвердила я, чувствуя, как голос опять предательски дрожит, выдавая меня.

Сейчас он спросит, что я делала в течение этого часа, а ответить я не смогу.

– И вы так и не встретились со своим бывшим мужем. Так что вы делали целый час в Уитни?

– Погуляла немного.

Он подождал, не добавлю ли я чего-нибудь еще. Я хотела сказать, что заходила в бар, но это было бы глупо, потому что легко проверялось. Он спросит, в какой бар, разговаривала ли я там с кем-нибудь. Раздумывая, что ему сказать, я вдруг сообразила, что не спросила, почему он хочет знать, где я была в субботу вечером, что уже само по себе выглядело подозрительным. Как будто я в чем-то виновата или замешана.

– Вы с кем-нибудь разговаривали? – спросил он, читая мои мысли. – Заходили в магазины, бары?..

– Я разговаривала с мужчиной на станции! – торжествующе выпалила я, как будто это что-то меняло. – А почему вы спрашиваете? Что случилось?

Инспектор Гаскилл откинулся в кресле.

– Вы, возможно, слышали, что женщина из Уитни – женщина, которая живет на Бленхайм-роуд всего через несколько домов от вашего бывшего мужа, – пропала. Мы ходили по домам, опрашивая жителей, не видели ли они ее тем вечером, или, может, видели или слышали что-то необычное. В ходе этих опросов и всплыло ваше имя.

Он немного помолчал, давая мне возможность осмыслить сказанное.

– Вас видели на Бленхайм-роуд тем вечером примерно в то же время, когда миссис Хипвелл – пропавшая женщина – ушла из дома. Миссис Анна Уотсон сообщила нам, что видела вас на улице рядом с домом миссис Хипвелл и не очень далеко от своего собственного. Она сказала, что вы вели себя странно и заставили ее нервничать. Она даже подумала, не стоит ли вызвать полицию.

Мое сердце бешено колотилось, будто хотело выпрыгнуть из груди. Я не могла говорить, потому что перед моими глазами возникла картина: я сижу, сгорбившись, в подземном переходе, и на моих руках кровь. Кровь на моих руках. Наверняка моя? Она должна быть моей! Я посмотрела на Гаскилла, увидела его взгляд и поняла, что должна немедленно что-то произнести, чтобы он не прочитал моих мыслей.

– Я ничего не делала, – сказала я. – Ничего. Я просто... я просто хотела повидать своего мужа...

– Бывшего мужа, – снова поправил меня Гаскилл. Он вытащил из бокового кармана пиджака фотографию и показал мне. На ней была Меган.

– Вы видели эту женщину в субботу вечером? – спросил он.

Я долго разглядывала фото. Было что-то сюрреалистичное в том, как я узнала о той самой блондинке, чья жизнь сначала была плодом моего воображения, а потом стала горьким разочарованием. Снимок был сделан крупным планом и профессионально. Черты лица Меган оказались не такими тонкими, как рисовало мне мое воображение в отношении Джесс.

– Миссис Уотсон! Вы ее видели?

Я не знала, видела ли я ее. Я действительно не знала. И не знаю до сих пор.

– Вряд ли, – ответила я.

– Вряд ли? То есть не исключено?

– Я... я не уверена.

– Вы пили в субботу вечером? – спросил он. – До того, как отправиться в Уитни, вы пили?

Мои щеки снова залила краска.

– Да, – призналась я.

– Миссис Уотсон – Анна Уотсон – сказала, что вы были пьяны, когда она увидела вас у своего дома. Вы были пьяны?

– Нет, – ответила я, стараясь не отводить взгляда от полицейского, чтобы не встретиться глазами с Кэти. – Я выпила немного после обеда, но пьяной не была.

Гаскилл вздохнул. Похоже, я его разочаровала. Он взглянул на прыщавого напарника, потом на меня. Затем нарочито медленно поднялся и поставил стул на место.

– Если вы что-то вспомните о том субботнем вечере, любую информацию, которая может нам помочь, пожалуйста, позвоните, – сказал он, протягивая визитку.

Гаскилл хмуро кивнул Кэти, собираясь уйти, и я откинулась на спинку дивана, с облегчением чувствуя, как сердце понемногу начинает успокаиваться. Но тут оно вновь чуть не выскочило из груди.

– Вы работаете в фирме, которая занимается связями с общественностью? В «Хантингтон Уайтли»?

– Верно, – подтвердила я. – «Хантингтон Уайтли».

Он проверит и узнает, что я лгала. Нельзя допустить, чтобы он выяснил это сам, он должен узнать это от меня.

Вот это я и собираюсь сделать сегодня утром. Я пойду в полицию и расскажу все как есть: что я потеряла работу несколько месяцев назад, что в субботу вечером была сильно пьяна и понятия не имею, во сколько вернулась домой. Собираюсь сказать то, что должна была сообщить еще вчера: они идут по ложному следу. Я сообщу, что у Меган Хипвелл, судя по всему, был роман.

Вечер

Полиция считает, что мне нельзя верить. Там думают, что у меня не все дома, что я безответственная и психически неуравновешенная. Мне не следовало туда ходить. Я только сделала хуже себе и вряд ли помогла Скотту, ради чего, собственно, и отправилась в полицейский участок. Он нуждается в моей помощи. Полиция явно подозревает, что он что-то сделал с Меган, а я знаю, что это не так, поскольку знаю его. Я действительно в этом уверена, как бы дико это ни звучало. Я видела, как он с ней обращается. Он не мог причинить ей боль.

Ладно, пусть помощь Скотту была не единственной причиной моего похода в полицию. Был еще вопрос лжи, который требовалось уладить. Лжи насчет работы в «Хантингтон Уайтли».

Я долго не могла решиться войти в полицейский участок. Десять раз намеревалась развернуться и поехать домой, но в конце концов все-таки вошла. Я спросила у дежурного сержанта, можно ли поговорить с инспектором уголовной полиции Гаскиллом, и он провел меня в душную приемную, где я прождала больше часа, пока за мной не пришли. К тому времени я была вся мокрая от пота и дрожала, будто впереди меня ждал эшафот. Меня провели в другую комнату, которая оказалась еще меньше, к тому же без окон и совсем душная. Я пробыла там в одиночестве еще минут десять, пока не появились Гаскилл и женщина в штатском. Гаскилл вежливо поздоровался и, казалось, совсем не удивился, увидев меня снова. Он представил свою спутницу как сержанта уголовной полиции Райли. Она была моложе меня, высокая, стройная, темноволосая и довольно привлекательная, если кому-то нравятся резкие, лисьи черты лица. На мою улыбку она не ответила.

Мы молча сели, и они выжидающе посмотрели на меня.

– Я вспомнила мужчину, – сказала я. – Я говорила вам про человека на станции.
Я могу описать его.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Эдвард Джеймс Хьюз (1930–1998) – английский поэт и детский писатель, занимающий четвертое место в списке «50 лучших британских писателей послевоенной эпохи». – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/pola-hokins/devushka-v-poezde-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)